

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ИСТОРИЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

Slav. Reserve

93-79

Pushkin.

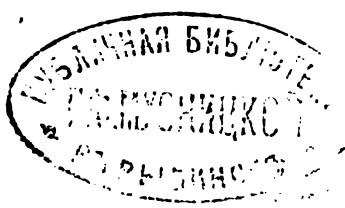
История Пугачёва

и его бунта

ch. 1

Пугачёв.

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

Съ дозволенія Правительства.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано Правительствомъ, касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донинѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами Государственными, нынѣ превращенными въ Историческіе матеріалы. Государь Императоръ по своемъ восшествіи на престолъ приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи

сокровища вынесены были изъ подваловъ гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій Историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ—конечно несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкинъ.

2 Полбря 1833.

Село Болдино.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Т О М А П Е Р В А Г О .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Справ.

Начало Яицкихъ Казаковъ.—Поэтическое преданіе.—Царская Грамота.—Грабежи на Каспійскомъ морѣ.—Стенка Раанинъ.—Нечай и Шамай.—Предположенія Петра Великаго.—Внутреннія безпокойства.—Побѣгъ кочующаго народа.—Бунтъ Яицкихъ Казаковъ.—Ихъ усмиреніе . . . 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева.—Выгство его изъ Казани.—Показанія Кожевникова.—Первые успѣхи Самозванца.—Имяна Илецкихъ Казаковъ.—Взятіе крѣпости Разышной.—Нуралн-Ханъ.—Распоряженіе Рейнсдорна.—Взятіе Нижне-Озерной.—Взятіе Татищевой.—Совѣтъ въ Оренбургѣ.—Взятіе Чернорѣченской.—Пугачевъ въ Сакмарскѣ 13

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Мѣры Правительства.—Состояніе Оренбурга.—Объявленіе Рейнсдорна о Пугачевѣ.—Разбойникъ Хлопуша.—Пугачевъ подъ Оренбургомъ.—Бердская слобода.—Сообщники Пугачева.—Генералъ-Маіоръ Каръ.—Его неудача.—Гибель Полковника Чернышева.—Каръ оставляетъ армию.—Выбиковъ 33

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ.—Маіоръ Заевъ.—Взятіе Ильинской крѣпости.—Смерть Камешкова и Воронова.—Состояніе Оренбурга.—Осада Яицкаго городка.—Сраженіе подъ Бердою.—Выбиковъ въ Казани.—Екатерина II, помѣщица Казанская.—Мнѣніе Европы.—Вольтеръ.—Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева 59

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стр. 1.

Распоряженія Вибикова. — Первые успѣхи. — Взятіе Самары и Замиска. — Державинъ. — Михельсонъ. — Продолженіе осады Яицкаго городка. — Свадьба Пугачева. — Разореніе Яицкой Защиты. — Смерть Лысова. — Сраженіе подь Татищевой. — Бѣгство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Освобожденіе Оренбурга. — Пугачевъ разбитъ вторично. — Сраженіе при Чесноковкѣ. — Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. — Смерть Вибикова. 79

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. — Башкирецъ Салаватъ. — Взятіе Сибирскихъ крѣпостей. — Сраженіе подь Троицкою. — Отступленіе Пугачева. — Первая встрѣча его съ Михельсономъ. — Преслѣдованіе Пугачева. — Бѣдѣйствіе войскъ. — Взятіе Осы. — Пугачевъ подь Казанью. 107

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михельсона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани. — Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. — Опроверженіе клеветы. — Распоряженіе Михельсона 124

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письмо Генералу Ступицину. — Намѣреніе Екатерины. — Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Всеволожскаго. — Споры Державина съ Бошнякомъ. — Взятіе Саратова. — Пугачевъ подь Царицынымъ. — Смерть Астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выданъ Правительству. — Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. — Казнь бунтовщиковъ 138

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

И С Т О Р І Я.

Мнѣ кажется сего вора всѣхъ замысловъ и похощеній не только посредственному, но иже самому превосходѣйшему Историку порядочно описать едва-ли бы удалось; коего всѣ зашѣи не ошъ разума и воинскаго распорядка, но ошъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не шолько разсказашъ, но нарочитой части припоминшъ не въ состояніи, поелнку не ошъ его одного непосредственно, но ошъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удавшись въ разныхъ вѣрнуть мѣстахъ происходилъ.

Архимандритъ Платонъ Лубарскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Янцкихъ Казаковъ. — Поэтическое преданіе. — Царская Грамота. — Гравежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенка Развѣтъ. — Ичгай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго. — Внутреннія везнокойства. — Новыя кочующаго народа. — Бунтъ Янцкихъ Казаковъ. — Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачивается на западъ, и протекши болѣе двухъ тысячъ пяти сотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволж-

скія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ. Его течение быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистыя, песчаные и безлѣсныя, но въ мѣстахъ поемныхъ удобныя для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ пятнадцатомъ столѣтїи, явились Донскіе казаки, разѣзжавшіе по Хвалынскому морю ¹⁾. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбѣйничали до глубокой осени, и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ соседствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторые Татарскіи семейства; отдѣлившіеся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшіи привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба пле-

мени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: Казаки стали получать женъ изъ Татарскихъ улусовъ. Сохранилось новгическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ Атамановъ, по имени *Гугня*, первый преступилъ жестокій законъ, понадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. *Довынь*, просвѣщенные и гостепріимные, жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугники ²⁾.

Живы набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Феодоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобъ Онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безкозайномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамоту ³⁾ на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволѣ имъ *набираться на житье вольными людьми.*

Число ихъ часъ-отъ-часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя Персидскія суда, и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженные добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттолкъ отъправились въ Москву, и явились ко Двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были Стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ Яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а Стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены ⁴⁾.

Преданіе, согласное съ Татарскимъ Лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ Яиц-

кикъ Атамановъ, Нечая и Шамай⁵⁾. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажилъ въ немъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся Ханомъ, и на берегу Сырь-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о гибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой Атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ Калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ Хивинскому Хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ Калмыками въ Яицкое вой-

ско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службы по наряду Московскаго Приказа; но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; Атаманы и Старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; *съ куль да съ воду* — за наглѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія ⁶⁾. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, Яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностію ⁷⁾.

ПЕТРЪ Великій принялъ первыя мѣры для введенія Лицкихъ казаковъ въ общую систему Государственнаго Управленія. Въ 1730 году Лицкое войско отдано было въ вѣдомство Военной Коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ—бѣжать въ Киргизскія степи; но были жестоко усмирены Полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ Войскаго Атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Правительство хотѣло исполнить предложенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между Войсковымъ Атаманомъ Меркульевымъ и Войсковымъ Старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: Атаманскую и Логиновежскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе Лицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ Губернаторомъ, представилъ въ Военную Коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предложеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на Престолъ Государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года, стороны Логиновской Яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ Членовъ Канцеляріи, учрежденной въ войскѣ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и Генераль-Маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была Слѣдственная Коммисія. Въ ней присутствовали Генераль-Маіоры Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Войсковой Атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; Члены Канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія Самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію Президента Военной Коллегіи, Грача

Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы, и наказаны какъ бунтовщики. Между тѣмъ вѣрно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленіе. Узнали, что Правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генераль-Маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкой городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Пронсшествіе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ, кочевали мирные Калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Блага Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе Приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ средоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились

оставить Россію, и тайно спелась съ Китайскимъ Правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону, и потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества ⁸⁾. Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромѣ весьма малаго числа) не послушались, и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ, для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 Января 1771 года, они собрались на площади, взяли въ церкви иконы, и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирничникова, въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городѣ къ по дѣламъ Слѣдственной Комисіи. Они требовали отрѣшенія Членовъ Канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генераль-Маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ на встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его повелѣнія, ни узнанія Войсковаго Атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки

бросивсь на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, Члены Канцеляріи посажены подъ стражу; а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя Выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ Генераль-Маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для ихъ усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ веселою прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и—взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казачковъ, пошелъ къ Яицкому городку ⁹⁾. Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Орен-

бургъ учредилась Следственная Коммисія подъ предсѣдательствомъ Полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ Гостиного и Мѣноваго дворовъ. Прѣжнее Казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено Яицкому Коменданту, Подполковнику Симонову. Въ его Канцелярїи повелѣно присутствовать Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину и Старшинѣ (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человекъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (NB всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сїи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. „То ли еще будетъ!“ говорили прощенные мятежники: „такъ ли мы тряхнемъ Москвою.“ — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила слова сїи Военная Коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ ¹⁰⁾ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появление Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Кожвинова. — Первые успѣхи Самованца. — Измена Илецкихъ казаковъ. — Выѣтъ крѣпости Разсвиной. — Нурали-Ханъ. — Распоряженіе Рейнсдорна. — Выѣтъ Нижне-Омской. — Выѣтъ Татищевой. — Советъ въ Оренбургѣ. — Выѣтъ Червоноярской. — Пугачевъ въ Самарскѣ.

Въ смутное сіе время, по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла ¹⁾. Онъ былъ свидѣлемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ Начальство, и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области Турецкаго Султана; онъ увѣрялъ, что и

Донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то Паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покаместъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества, или Крещенія, непременно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ Комендантскую Канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пяновымъ, и былъ пойманъ уже въ селѣ Мальковкѣ (что нынѣ Волгскъ) по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогою ²⁾. Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, принедашій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ за Польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Ирғизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражу въ Сибирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ могло казаться важнымъ, то Оренбургской Губернаторъ и почелъ за нужное уведо-

мить о томъ Государственную Военную Коллегію, донесеніемъ отъ 18 Января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и Казанское Начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ, подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Запечной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ Казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 Июня 1773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе Суда, по которому Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетями и къ ссылкѣ въ Сельмъ, на каторжную работу ⁸⁾.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Даниила Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда свѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Известно, что въ царствованіе Анны Іоанновны, Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество Донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ Турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней Турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Императору Николаю, уже переплывшему Дунай на Запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцевъ, и возвратились подъ владычество законнаго своего Государя.

Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто набѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только прощлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ Казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ-отъ-часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи . . . Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели въ Комендантскую Канцелярію, и пыткой вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ Сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимошеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ челоуѣкомъ, всѣ трое верками. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ вер-

блуждемъ армякъ; въ голубой Калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повѣстки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ Императоръ Петръ III, что слухи о смерти его были ложны, что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ Русскомъ войскѣ во время послѣдней Турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону, и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвестнымъ купцемъ, освободилъ его снова; что послѣ подѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взялъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезецъ къ Кожевникову. Выказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ обѣщать свои предложенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи

казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни, хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать Атамана, идти прямо на Яицкой городокъ, овладѣть имъ, и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, дабы нигде преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ *броситься въ Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставити новыхъ Судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда), и возвести на престолъ Государя Великаго Князя. *Самъ же я, говорилъ онъ, уже царствовать не желаю*. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дни; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ, и увезли его на Усихину Розсашь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ страху Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 Сентября Пугачевъ, съ Будоринскаго Чѣрпота, пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою; изъ трехъ сотъ человекъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города; за рѣкою Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пять-сотъ казаковъ, подкрепленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при Капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Юзъ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца, и потащила съ собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Наумовъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сии первыя его жертвы были, Сотники: Витоншовъ, Чертороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу; но при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его; ибо казаковъ не хо-

тѣмъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генералъ-Поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симоннова дошло до Губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку ⁴⁾, и послалъ начальствовавшему въ немъ Атаману Портнову повелѣніе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородами (Илецкіе, какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною волею, угрожая местию въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, Атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его, и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ Атамана, три дня праздновалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разышную ⁶⁾.

Крѣпости въ томъ краю выстроенныя были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копей дикихъ племенъ, разсыянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 Сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комедантъ, Маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ Священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ матежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространился. Еще съ Будоринскаго форпоста, Пугачевъ писалъ къ Киргизъ-Кайсаковому Хану, именую себя Государемъ Петромъ III, и требуя отъ него сына въ заложники и ста человекъ вспомогательнаго войска. Нуралли-Ханъ подѣлжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ матежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ Оренбургскому Губернатору Татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. „Мы, люди живущіе на степяхъ, — писалъ

Нуралн къ Губернатору, — не знаемъ, кто сей, развѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человека русая.“ Присемъ пользуясь обстоятельствомъ, Ханъ требовалъ отъ Губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III известна всему Свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ Хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его Правительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прошенія Хана были исполнены. Между тѣмъ Нуралн вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, но престоавалъ увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а Киргизцы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ Хана получено было въ Оренбургъ донесеніе Лицкаго Коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло и донесеніе Всловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ спѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ Бригадиру Барону

Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмястами солдатъ пѣхоты и конницы, и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирал по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи ⁷⁾, Бригадиру Барону Корфѣ велѣлъ, какъ можно скорѣе, идти къ Оренбургу; Подполковнику Симонову отрядить Маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками, для соединенія съ Биловымъ; Ставропольской Канцеляріи ⁸⁾ велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближайшимъ Башкирцамъ и Татарамъ собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человекъ идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную; но, въ пятнадцати верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался, и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Въместо пятисотъ вооруженныхъ Калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и Татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ

и Войсковой Старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева, и 3 Октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не выдавъ неприятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную⁹⁾. На дорогѣ встрѣтилъ онъ Капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому, Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота прислала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго Коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили, и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26 Сентября, вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сѣнто несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ вѣхалъ впереди своего войска. „Берегись, Государь,“ сказалъ ему старый казакъ: „неравно изъ пушки убьютъ.“— „Старый ты человекъ,“ отвѣчалъ самозванецъ: „развѣ пушки льются на Царей?“— Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слу-

шался. Онъ схватилъ фитиль, вынулъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника, и изранили его. Полумѣртвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться, и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ Прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго Коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, была неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю ¹⁰⁾. На другой день Пугачевъ выступилъ, и пошелъ на Татищеву ¹¹⁾.

Въ сей крѣпости начальствовалъ Полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 Сентября, Пугачевъ показался на высотахъ, ес

окружающих. Всѣ жители видѣли, какъ оны раз-
стали тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ
на крѣпость. Мтежники подѣхали къ стѣнамъ,
уговаривая гарнизонъ—*не слушаться бояръ* и сдать-
ся добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они от-
ступили. Безполезная пальба продолжалась съ полу-
дня до вечера; въ то время скрады сѣна, находившіе-
ся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные оса-
ждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ
укрѣплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пу-
гачевъ, пользуясь смутеніемъ, напалъ съ другой сто-
роны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый
Елагинъ и самъ Билловъ оборонялись отчаянно. Нако-
нецъ мтежники ворвались въ дымящіяся развалины.
Начальники были захвачены. Биллову отсекли голову.
Съ Елагина, человека тучнаго, содрали кожу; злодѣи
вынули изъ него сало, и мазали имъ свои раны.
Жену его изрубили. Дочь ихъ, на кануны обдѣвѣв-
шая Харлова, приведена была къ побѣдителю, рас-
поряжавшему казню ея родителей. Пугачевъ пора-
женъ былъ ея красотой, и взялъ несчастную къ се-
бѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея
брата. Вдова Маіора Ведовскаго, бѣжавшая изъ Раз-
сѣнной, также находилась въ Татищевой: ее удавили.
Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ

и Банкирцевъ введены въ поле, и разстрѣлены картечью. Прочіе острижены по казацки, и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пунекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ за тѣмъ Биловъ, изъ Татищевой, извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; Маіоръ Крузе, изъ Чернорѣченской, о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28 Сентября) триста человекъ Татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги, съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиновниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать, и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У Польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе, и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе Оберъ-Коменданту, Генераль-Маіору Валлежштерну; прочимъ находится въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ Таможеннаго Директора Обухова.

4) Сентовскихъ Татаръ перевести въ городъ, и поручить начальство надъ ними Коллежскому Совѣтнику Тимашеву:

5) Артиллерию отдать въ распоряженіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ Артиллеріи.

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ Оберъ-Коменданту исправить городскія укрѣпленія, и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще невзятыхъ Пугачевымъ, вѣрно было идти въ Оренбургъ, зарывая или погощая тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой, 29 Сентября, Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую ¹²⁾. Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при Капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто Коменданта, Маіора Крузе,

который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ Капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку ¹³⁾, коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1-го Октября, изъ Татарской деревни Корчале, воѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ ¹⁴⁾:

„Въ крѣпости у станичной избы посланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Ночь ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда воѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ наги ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки*. Потомъ всѣ цѣловали его руку.—Пугачевъ освѣдомился о городекихъ казакахъ. Ему отвѣчали: что нѣтъ на службѣ, другіе съ ихъ Атаманомъ, Даниломъ Донскимъ, взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать

человѣкъ оставлены для почтовой гонимы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ Священнику, и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолви: *ты помъ, такъ будь и Атаманъ; ты и всѣ жители отъчисте мнѣ за нихъ своими головами.*—Потомъ поѣхалъ онъ къ Атамановому отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. *Если бы твоей сынъ былъ здѣсь,* сказалъ онъ старику, *то свинъ обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ: но хлѣбъ-соль твоя помирагилась. Какой онъ Атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?*—Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина; но бывшіе при немъ казаки упростили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сыжканские казаки представлены были Пугачёву. Онъ обошелся съ ними ласково, и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? *Возьмите,* отвѣчалъ онъ, *краюшку хлѣба; вы проедите мѣся только до Оренбурга.*—Въ сіе время Башкирцы, присланные отъ Оренбургскаго Губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ, и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ ¹⁵⁾“

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ по своему обыкновенію принялъ солдатъ въ свое войско, и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы, и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты, или сдались ему. Войско его съ часу-на-часъ умножалось неизмѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3 Октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

МѢРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — СОСТОЯНІЕ ОРЕНБУРГА. — ОБЪЯВЛЕНІЕ РЕЙСДОРГА
О ПУГАЧЕВѢ. — РАЗВОЙНИКЪ ХЛОПУША. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ ОРЕНБУРГОМЪ. —
ВІГДСКАЯ СЛОВОДА. — СООБЩЕНІЯ ПУГАЧЕВА. — ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРЪ БАРЪ. — ЕГО
НЕУДАЧА. — ГЕНЕРАЛЪ ПОЛКОВНИКА ЧЕРНЫШЕВА. — БАРЪ ОСТАВЛЯЕТЪ АРМІЮ. —
БЫВШІЕ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу-на-часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своими Старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ), начали нападать на Русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваши, Черемисы перестали повиноваться Русскому Начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только

Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы, Казанскій—фонъ-Брантъ, Сибирскій—Чичеринъ и Астраханскій—Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ извѣстили Государственную Военную Коллегію о Янцкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадрамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута на-скоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено Генералъ-Маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній Начальства. Онъ находился въ Петербургѣ, при приѣмѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду Генералъ-Маіору Нащокинну, и отправитъ къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію. Къ нему присоединили Генералъ-Маіора

Фреймана, уже усмирившаго разъ Яицкое войско, и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 Октября Правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщавая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія ¹⁾.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семь городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ ²⁾.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей, вскорѣ разошлась по городу, а послѣднее выступленіе Билова ³⁾ подтвердило справедливыя

слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами ронтали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ емятенія, отставной сержантъ ⁴⁾, подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколотъ Губернатора. Въ селеніяхъ, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія ⁵⁾. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что *о злодѣйствующемъ съ Лицкой стороны носитя слухъ, якобы онъ другова состоянїа, невели какъ есть*; но что онъ въ самомъ дѣлѣ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо ⁶⁾. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ ⁷⁾.

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ Оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссы

лаемъ былъ въ Сибирь, и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ ^{в)} употребить смышленнаго каторжника, и чрезъ него переслать въ шайку Пугачевскую увѣщательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ Губернаторскія бумаги. „Знаю, братецъ, что тутъ написано,“ сказалъ безграмотный Пугачевъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго Киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его Полковникомъ, и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и Башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 Октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся

впередъ, и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну баттарю на наперти церкви у самого предмѣстїа, а другую въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію Губернатора, предмѣстїе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противу зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ Маіоръ Наумовъ (только что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человекъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался, и отступилъ безо всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чиновниковъ, и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣ-

пленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семь совѣтъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: *итти противу бунтовщиковъ*. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе, и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 Октября мятежники выѣхали грабить Мѣновою Дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города ⁹⁾. Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно; а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать ¹⁰⁾. Онъ кое-какъ успѣлъ однакожь уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 Октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходитѣ числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ, и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ карре, и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человекъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разѣзжали около городскаго вала, и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. „*Не стану тратить людей,*“ говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ, „*а вы морю городъ моромъ.*“ Не разъ находилъ онъ способъ доставлять жителямъ возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, подсланныхъ отъ самозванца; у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургъ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ

веспособныя лошади были отобраны и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимской уѣздъ. Но, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, лошади были захвачены бунтующими крестьянами и Татарами, а казаки, гнавшіе табуны, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14 Октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ. 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ, и расположился подъ Бердскою ¹¹⁾ слободою, близъ лѣтней Сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолкъ разъѣзды его не преставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2 Ноября Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего города баттарей, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ человекъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самага вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительство-

валь. Егеря полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстiя. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ Соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и мятель. Мятежники въ церкви разложили огонь, изтопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстiи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на пашерти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученiй. Мятежники устроили тамъ свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлой день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ ¹²⁾. Утромъ изъ города высланы были невольники подъ прикрытiемъ казаковъ, скрыть мишень и другiя укрѣпленiя, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣяніе въ доскуткахъ

Стужа усилилась. 6 Ноября Пугачевъ съ Яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, Калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ, въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были Яицкіе казаки, и солдаты, захваченные цо крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою пшагой. Инымъ розданы были птыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человекъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частныя разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправно-

стию, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали Государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексеевну. Пугачевъ, будучи раскольникъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему, кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣленныхъ, удушенныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во все стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копые, кричали: *Господа казаки! пора*

самъ одуматься и служить Государю Петру Федоровичу. Другіе требовали, чтобы имъ выдали Мартюшку Бородина (Войсковаго Старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: *У нашего батюшки она много!* Изъ города противу нихъ выѣжали наѣздники, и завязывались перестрѣлки иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ, — и едва не понался въ пѣнѣ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы¹³⁾.

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, неимѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но на-единѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьивствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ ру-

бахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ онекою. *Улица моя тѣсна*, говорилъ онъ Денису Пьякову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына¹⁴). Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и новѣреныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его и бросили съ камнемъ на шею въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. *Онъ пошелъ*, отвѣчалъ ему, *къ своей матушкѣ снискъ по Яику*. Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; но ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣлены. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенные въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и прѣступъ Пугачева. Онъ именовался Фельдмаршаломъ, и былъ первый по самозванцу. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика Графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ Графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ Графомъ Панинымъ, Чумаковъ Графомъ Орловымъ¹⁵⁾. Отставной Артиллерійской капранъ Бѣлородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ заглядывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался Правительству, привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія: но пріѣхавъ въ Берду, оказался однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ поздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ

Пугачева. Стыдяся своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза ¹⁶⁾. Вотъ какіе люди колебали Государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій Губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ, и расположить ихъ частію около Кичуевского фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились челоувѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ, для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву, къ Генералъ-Аншефу Князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но Московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а Томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ, и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ Сибирскому Коменданту, Полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намеренъ, тотчасъ по прибытіи Генерала-Майора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для приема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхъ. Опасаясь только, писалъ онъ Грифу Э. Т. Чернышеву, чтобы сія разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустили до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились. Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева, по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ Ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Омска, и высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ Башкирцевъ и Мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, во ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженнымъ отъ Пугачева сильный разбойникъ Хлопуши, выливъ пушки на Овзано-Петровскомъ заводе и возмущивъ прицонныхъ крестьянъ и окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ.

Каръ поспѣшилъ преслѣдовать егo по дороге, и 7. Июля дослѣдъ Секундъ - Маіора Шишкина съ четырьмястами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзеу, ¹⁸⁾ а самъ съ Генераломъ Фрейманомъ и Премьеръ-Маіоромъ Ф. Варстедомъ, только что подоспавшими изъ Калуги, выступилъ изъ Сармаиной. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеу, шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ перешли. Шишкинъ однако разсыпалъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ и прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собою ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщательный Манифестъ; они его приняли, но отъѣхали съ бравою, говоря, что ихъ Манифесты правѣ, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять. . . . Въ это время Каръ улащивалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался, и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрезаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскочили со всѣхъ сторонъ и открыли

ли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ ними соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Математики, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты, отдалялись, проворно перевоза свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человекъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалекомъ разстояніи, подѣ начальствомъ Князя Уракова, бѣжали слыша пальбу. Солдаты, по большой части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огонь, не умѣли ихъ ободрить. Гранатеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при Поручикѣ Карташовѣ, вѣхали съ такой озабоченностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдѣлали съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Карль потерялъ! вдругъ свою самовадѣльность. Съ доносеніемъ о своемъ урокъ, онъ представилъ Военной Коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а дѣльные полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повѣстное Полковнику Чернышеву не выступать изъ Петролоцкой, и стараться въ ней укрыться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11 Ноября Чернышевъ выступилъ изъ Петролоцкой, и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорыцкую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ Илецкихъ казаковъ, приведенныхъ Самарскимъ Атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара, и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣднѣго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Петролоцкой, или съѣздить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ доносеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ утверди, бѣжали изъ Пугачевского стана. Между ними на

ходился казакѣй Сотникъ и Депутатъ ¹⁰⁾ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердїи, представя въ доказательство свою Депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ, и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтъ они его и увидятъ, то опасность уже минуется и онъ безпрепятственно успеетъ вступитъ въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ Калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллерїей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собой трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ, и явился къ Губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. — Въ самое сіе время въ Оренбургѣ слышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла. . . . Нѣсколько времени спустя, Рейнедорфъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обмануть Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Математики вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и Калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужей, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева, тридцать шесть офицеровъ, одну Прапорщицу и Калмыцкаго Полковника ²⁰⁾, оставшагося вѣрнымъ своему несчастному Начальнику.

Въ то же самое время Бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человекъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него: но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское Начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14 Ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунъ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле, подъ предводительствомъ Оберъ-Комеанта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали, и вразсыпную, производя безпрестанный

егомъ изъ многочисленникъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленбергъ принужденъ былъ оставить кварты и отступить, потерявъ тридцать два человека ²¹⁾. Въ тотъ же день Майоръ Варистедъ, отраженный Каромъ на Ново-Московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева, и послѣнно отступилъ, потерявъ до двухъ-сотъ человекъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышова, Каръ совершенно упалъ духомъ, и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ Возиной Коллетин, самовольно отказался отъ начальства, подъ предлогомъ болѣзни; далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на счетъ образа дѣйствій противу Пугачева, и оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица, строгимъ указомъ, повелѣла его исключить изъ службы ²²⁾. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Императора Александра.

Императрица увидѣла необходимость взять
 сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она ис-
 кала надежнаго военачальника, и выбрала Генералъ-
 Аншета Бибицова.— Александръ Ильичъ Бибицовъ
 принадлежить къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ
 Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людь-
 ми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ
 успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и граж-
 данственности. Онъ служилъ съ честью въ семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на не-
 го возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ
 въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся завод-
 скихъ крестьянъ. Твердостью и благоразумною
 кротостью вскоре возстановилъ онъ порядокъ. Въ
 1766 году, когда составлялась Коммиссія Новаго
 Уложенія, онъ председательствовалъ въ Коостромѣ
 на выборахъ; самъ былъ избранъ Денутатомъ, и
 потому назначенъ въ Предводителя всего Собра-
 нія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ, на мѣ-
 сто Генералъ-Поручика Веймарна, Главнокоман-
 дующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени
 успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но
 и приобрести любовь и довѣренность побѣжден-
 ныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею Генераль-Поручику Романусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при Графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, дотолъ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, Она была недовольна нескромными словами; вынужденными у него досадою; ибо усердный на дѣлѣ и душою преданный Государынь, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежнею ласковой улыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу Отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
 Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
 А не надо сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9 Декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибииковъ нашелъ старую столицу въ страхъ и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоренныхъ Пугачевымъ, или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопы, или навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная Московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибиикова съ восторгомъ, доказывавшимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДѢЙСТІЯ МЯТЕЖНИКОВЪ. — МАЮРЪ ЗАКЪРЪ. — ВЪЯТІЕ ИЛЬИНСКОЙ КРАНОСТИ. — СМЕРТЬ КАМШКОВА И ВОРОНОВА. — СОСТОЯНІЕ ОРЕНБУРГА. — ОСАДА ДЯЦКАГО ГОРОДКА. — СРАЖЕНІЯ ПОДЪ БЕРДОЮ. — БИВЕНКОВЪ ВЪ КАЗАНИ. — ЕКАТЕРИНА II, ПОМАЩИЦА КАЗАНСКАЯ. — МНѢНІЕ ЕВРОПЫ. — ВОЛЬТЕРЪ. — УБАВЪ О ДОМѢ И СЕМЬЯХЪ ПУГАЧЕВА.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадеянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоря селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестьюстами челоувѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ, и осадилъ ее въ концѣ Ноября. Городъ не

имѣлъ укрѣпленій подобныхъ Оренбургскимъ; однако жъ Комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію Башкирскія и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Уляновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятьюстами челоувѣкъ и шестью пушками взять крѣпости Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряженъ былъ, Сибирскимъ Губернаторомъ Чичеринымъ, Генераль-Поручикъ Декалонгъ и Генераль-Маіоръ Станиславскій ¹⁾. Первый прикрывалъ границы Сибирскія; послѣдній находился въ Орской ²⁾ крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности, и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ Коменданта, Поручика Лопатина: но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ по-

шелъ на Верхне-Озерную. Командантъ, Подполковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ послѣдидъ на помощь Хлопуши, и соединясь съ нимъ 26 Ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ истребники спѣхась ударяли въ конья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ Банжирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирской линіи идутъ къ Идынской три роты отряженнаго Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ. Онъ повелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Засѣвъ, начальствовавшій оными отрядами, успѣлъ однако занять Идынскую (27. Ноября) Крѣпость, оставленную Хлопушою, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько пѣвицъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго охотника. Алтарь былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей выжжены на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Засѣвъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ

бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало); также учредилъ караулы и разъезды, и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приближались, и развѣшая около нея, кричали часовымъ: „не стрѣляйте, и выходите вонъ: здѣсь Государь.“ По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись, и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и пѣхотные Поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измены. „Оставайтесь здѣсь и защищайтесь—“ сказалъ онъ имъ — „а отъ Генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю.“

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ воспылалъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетянуть, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, сѣвшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ

вопдемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разотрогались и побѣжали. Заевъ, почти все офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ бѣдную Татарскую деревню. Пѣлыми солдатами приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: *прощаетъ васъ Божіи и я, огишъ Государь Петръ III, Императоръ. Встанайте!* Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выстрѣлить въ стѣну. Ему представили Капитана Камешкова и Прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена. — *За чѣмъ вы шли на меня, на вѣсего? Государя?* спросилъ побѣдитель. — „Ты намъ не Государь,“ отвѣчали пѣшечники: „у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Александровна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.“ Они тутъ же были довшены. — Потомъ привели Капитана Башарина. Пугачевъ не сказалъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. *Кали отъ были до васъ добры,* сказалъ самозванецъ, *то я васъ прощаю.* И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а

раженыхъ отвезти въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, за чѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинокой Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Кму. непременно хотѣлось ее взять, такъ болѣе, чѣмъ въ ней находилась жена Бригадира Карла. Онъ грозился ее повѣсить, а любилъ на Ермакова, который думалъ обмануть его дикими пересѣлками.

30 Ноября онъ снова окружилъ крѣпость, и каждый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушался на приступъ, то съ той, то съ другой стороны. Демьянъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку! Пугачевъ отступилъ, и хотѣлъ идти противу Станиславскаго, но, перехвативъ Оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30го, ночью, войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя безкор-

мицей, падали и докли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштергъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка, высылалъ онъ иногда до тысячи человекъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, развѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ Губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу ⁴⁾.

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, устрашенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки

съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ, или для поимки возмутителей, посылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29 на 30 Декабря Старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ, человекъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31 Декабря отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ, и тутъ же вооружась тѣмъ имъ попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изъ всехъ переулковъ, засѣли въ

высокія избы, и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битойъ десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ. — Мятежники, безопасные въ десяти саженьяхъ отъ крѣпости, и большею частію *Гулбички* (охотники) попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. *Симоновъ* и *Крыловъ* хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали, или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и Послушныхъ; довольно количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущія къ ней улицы и переулки;

за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь, и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенѣны, а Послушныя не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (Академика, находившагося въ то время въ Оренбургъ) стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастья оружія, и 13 Января,

всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргалѣ, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервъ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзанъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга; потерявъ до четырехъ-сотъ убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи, Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибииковъ прибылъ въ Казань 25 Декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжала въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибиикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1 Января 1774 года, послѣ молебствія и Слова, говореннаго Казанскимъ Арміереемъ Веніаминомъ, Бибииковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную Рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ Правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ Отечеству и вѣрности къ Престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибиикова, былъ избранъ въ Начальники легіона. Дворянство Симбирское, Свіяжское и Пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству Маіоровъ Гладкова и Чемесова, и Капитана Матюнина. Казанскій Маги-

стратъ также вооружилъ на свое вѣдѣніе одинъ эскадронъ гусарь.

Императрица изъявила Казанскому дворянству Монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя Себя Казанскою номѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій Предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ Рѣчью, сочиненною Гвардіи Подпоручикомъ Державнымъ, находившимся тогда при Главнокомандующемъ ⁵⁾.

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ Графу Чернышеву, фонъ-Визину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30 Декабря писалъ онъ своей женѣ: „Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашель прескверны, такъ что и описать буде бѣ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера

изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное, и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда позднеенько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусарь, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ ѹтушенію заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на Петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всемъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ Губернаторъ, Брантъ, такъ замучень, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ - молитвахъ, а праведную ⁶⁾ Евпраксию нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно.“

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю от-

всюду пресѣжало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ, или заводскаго мужика съ дубиной ⁷⁾. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ ⁸⁾. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами ⁹⁾. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изъ всѣхъ концовъ Государства, подвигались медленно. Зло, ни чѣмъ не прѣгражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева, Яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская ¹⁰⁾ были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скоть, захватывать жителей ¹¹⁾. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторые изъ Европейскихъ Державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія ¹²⁾.

Винovníкъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе Турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ ЕКАТЕРИНѢ: *C'est arangement le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au tems de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui.* ИМПЕРАТРИЦА, досадуя на сплетни Европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: *Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr de Pougatschef et Mr de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie 18).*

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, ИМПЕРАТРИЦА не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные Манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ

Сулинъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякаго оскорбленія*, отправить въ Казань, для улчненія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя на вѣки въ заустѣніе, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ Зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежннкѣ славой имени новаго, уже любезнаго Ей и Отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтныя) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобранны слѣдующія по-

дробныя свидѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ Государство ¹⁴⁾.

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служивый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, росту средняго, смугль и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, не большую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ, въ кулачномъ бою. На лѣвомъ виску имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью ¹⁵⁾. Онъ не зналъ грамоты, и крестился по раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился онъ на казачкѣ Софѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейской Атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили, и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пу-

гачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки Правительству. Возвратясь въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ; но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, Старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самаго Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга, скрывался онъ за Польской границей, въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней. — Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ Правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная Полицейская мѣра имѣ-

ла силу закона до самаго восшествія на Престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрешено было писать и печатать о Пугачевѣ ¹⁶⁾. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ БИБИКОВА. — ПЕРВЫЕ УСПѢХИ. — ВѢСТІИ САМАРЫ И ЗАИСКА. — ДЕРЖАВИНЪ. — МИХЕЛЬСОНЪ. — ПРОДОЛЖЕНІЕ ОСАДЫ ЯИЦКАГО ГОРОДКА. — СВАДЬБА ПУГАЧЕВА. — РАЗОРЕНІЕ ЯИЦКОЙ ЗАПѢТЫ. — СМЕРТЬ ЛЫСОВА. — СРАЖЕНІЕ ВОДЬ ТАТЯЦЕВОЙ. — БѢГСТВО ПУГАЧЕВА. — КАЗНЬ ХЛОПУШИ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ ОРЕНБУРГА. — ПУГАЧЕВЪ РАЗБИТЪ ВТОРИЧНО. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ЧЕСКОКОВЪ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ УФЫ И ЯИЦКАГО ГОРОДКА. — СМЕРТЬ БИБИКОВА.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибииковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генераль-Маіоръ Князь Голицынъ, съ своимъ корпусомъ, долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генераль-Маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ Маіоръ Муфель и Подполковникъ Гриневъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ

къ Уфѣ и къ Екатеринбургъ. Декалонгъ охранялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить Маіора Гагриня съ одною полевой командою для защиты Кунгура. Въ Мальковку посланъ былъ Гвардіи Поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибииковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Въ послѣдствіи Бибииковъ былъ доволенъ своими полками. „Дѣла мои, Богу благодареніе! (писалъ онъ въ Февралѣ) идутъ часъ отъ-часу лучше; войски подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною доводны (въ Петербургѣ), то я изъ всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у туся: не забуть ли ноги?“

Маіоръ Мучель, съ одною полевой командою, 29 Декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они, подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ, думали

сопротивляться. Но драгуны ударили въ палашы и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое сіе время, въ двухъ верстахъ отъ Самары, показались Ставропольскіе Калмыки ¹⁾, идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару Подполковникъ Гриневъ и Генераль-Маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю, для усмиренія Калмыковъ: но они разбѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибииковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе Генераль-Маіора Фреймана, стоявшаго въ Бугульмѣ безо всякаго дѣйствія, пошелъ на Занискъ, коего семидесятилѣтній Комендантъ, Капитанъ Мертвецовъ, принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдѣвъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города, Бибииковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, баттаренъ взятъ, пред-

мѣстїа заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибикову являлось въ день до четырехъ тысячъ расклевшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты, и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою⁹¹. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ идти служить у Пугачева, онъ прїѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось.

Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, начальникъ Дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія

Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. „За грѣхи мои (писалъ Бибииковъ) навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливимъ detachментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.“ Ларионовъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила Главнокомандующаго послать на его мѣсто, нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, Подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22 Января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6 Февраля соединился съ нимъ Полковникъ Бибииковъ; Мансуровъ, 10го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его на встрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ

онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. „Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцевъ нашихъ.“ (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти ³.) Яицкіе же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки Правительства, и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерegli его, какъ заложника. Бибииковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: „Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, Яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ; важно общее негодованіе ⁴.“

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20 Января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при *Старицѣ* (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросались къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, сиились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и

дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала старался лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкнутой пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ, и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человекъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: „помилуй, Государь! Дочь наша не Княжна, не Королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?“ Пугачевъ однако, въ началѣ Февраля, женился на Устиньѣ, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрей-

лишь изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали, послѣ Государя Петра Фидоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Цопы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 Февраля ночью прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ* ⁵⁾, и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудъ пороку, и что Пугачевъ назначалъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно для посеянія нуетаго страха. Осажденные вели контрминну, и не слышали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороку мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ дѣю въ подвалѣ сохранился весь

вороховой зашло (что могли зять и матежники), то и постышши оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груды. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ, свалились оттолѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крѣпости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни, и поставилъ тамъ батарею. Матежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи; чрезъ нѣсколько минутъ они подвѣли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: на сломъ, на сломъ, Атаманы молодцы! Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ронща на Пугачева, объ-

щавшаго имъ, что при взрывѣ колокольни, на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи Князя Голицына, и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пятьсотъ человекъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, рассчитывая, что помощь присылетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою Защитой ⁶⁾ (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ Февраля, взявъ съ собою четыреста человекъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощажаннаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ

Берду, негодовалъ на своеволие смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ Государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ Князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задушить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, они вѣхали вмѣстѣ изъ Кургале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскочилъ сзади на Пугачева и ударилъ его конемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ померили товарищи, и Пугачевъ шелъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Топскую и Сарачинскую ⁷⁾, и съ обыкновенною дерзостію ночью, въ сильной бурнѣ, напалъ на передовые отряды Голицына; но былъ отраженъ Маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ Княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской ⁸⁾, не успѣвъ сжечь

крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставивъ Сарочинской свои завасы подъ прикрытіемъ четырехъ-сотъ человекъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ поворота къ Татищевой, въ ней засѣлъ, и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку Подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпленной пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую ⁹⁾ (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при Подполковникѣ Гриневѣ, 22 Марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены сѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили Князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ началъ отрядить триста человекъ для осмотра неприятеля ¹⁰⁾. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ къ самой крѣпости, и вдругъ сдѣлали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ

Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на дыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться, и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что одними пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ Генералу Фрейману съ лѣвою колонною идти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отбилъ, и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить свѣтъ правильнаго оружія—и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ недействовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости нало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехъ-сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ ¹¹⁾. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ наѣнныхъ достались побѣдителямъ. Пугачевъ съ шестидесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ-иголтъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораже-

ни. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшій. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу ¹⁸⁾, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдать ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиневъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорфу съ симъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорфъ не смѣлъ повѣрить своему счастью, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены сылочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргалѣ, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его, и послали уведомить о томъ Губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову, въ Юніѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человекъ пѣхоты, высланныхъ Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осмынадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ ¹³⁾ и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляя Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга ¹⁴⁾. Отсюда начали въ городъ завозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шести-мѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 Марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ.

Бибииковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. „То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26 Марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще лютѣе было поворачивать своимъ; а сколько сѣдыхъ

волось прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плъшь еще болѣе стала: однако и по морозу кожу безъ парика.“

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разсланные разѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сентовекую ¹⁸⁾ слободу, зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ Полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ на-встрѣчу самозванцу, и встрѣтилъ его въ Каргалѣ. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ Полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ, и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подошли пушки; онъ, зацѣвъ

гору, выстреливъ батарею; Хорватъ, въ послѣдней тѣснѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія, и обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы, и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарской городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человекъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской, и оттолъ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достигъ. Послѣ сей рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана — для усмиренія Башкирин, Аршеневскаго — для очищенія Ново-Московской дороги, а Мансурова — къ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18 Марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него, для прегражденія пути, выслано было Чикюю двѣ тысячи человекъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Ми-

Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го на разсвѣтъ пришелъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егеря отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человекъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтъ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами, и растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленные десятью пушками, пошли прямо ему на-встрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ батарей, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на-конь и ударить въ палаша. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ни-

ми вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена, и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее, и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тѣмъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя рѣтами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Забвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: Башкирскаго старшину, и выборнаго села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табискъ, куда, послѣ Чесноковскаго дѣла, прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены ¹⁶⁾ казаками и выданы побѣдителямъ, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкій городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ,

Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яницкой городокъ. Вѣсть о поражениі самозванца подъ Татищевой, въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проежакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!—Они на-скоро перевязывали свои раны, и спѣшили жь Яницкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей¹⁷⁾. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6 и 7 Апрѣля занялъ оставленныя крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Церфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны; Бадрыга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яницкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года¹⁸⁾. Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ло-

мы и лопаты; возвышались новыя баттарей. Мятажни-ники дѣятельно продолжали свои земляныя рабо-ты, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ, уничто-жая сообщеніе одной части города съ другою, то коная траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Ста-рицы, кругомъ всей крѣпости, подъ Соборную церковь, подъ баттарей, и подъ Комендантскія па-латы. Осажденные находились въ вѣчной опасности, и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною, и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9 Марта, на разсвѣтъ, двѣсти пятьдесятъ рядо-выхъ вышли изъ крѣпости; цѣлю вылазки было уничтоженіе новой баттарей, сильно беспокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятажни-ки хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ ме-жду завалами и избами, которыя хотѣли они за-жечь; колоди раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человекъ, ранено до осьмиде-

сати. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось съечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избѣ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артепный котель воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпѣвать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости; что и было имъ позволено; нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ

карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ, и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на всѣхъ, уже не было. Стали есть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобретать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска Правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже прекло-

жились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ-жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что будтовщичи, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертію. Рѣши-

лись всё до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на последнюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во Вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровль Соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣжали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. „Все это насъ такъ ободрило“—говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ,—„какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.“ Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей Вдругъ, въ пятомъ часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы безъ порядка скачущія изъ-за рожи одна за другою. Бунтовщики выѣзжали въ разные ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажден-

ныя понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ; но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ Соборной колоколь, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить; но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моли о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога, поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители уведомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17. Апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 Декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ,

и незаконная жена самозванца, Устилья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ начальство Генераль-Поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ, и скончался 9 Апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань, желала погребсти его въ своемъ Соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе Сенатора и чинъ Полковника Гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: „Не жалю о дѣтяхъ и же-

и; Государыня призреть ихъ: жалю объ Отечестве¹⁹⁾. — Молва приписала смерть его дѣйствию яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его, и осыпала его семейство своими щедротами²⁰⁾. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю²¹⁾.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НОВЫЕ УСПѢХИ ПУГАЧЕВА. — БАНКЕРЦЪ САЛАВАТЬ. — ВЪЯТІЕ СИБИРСКИХЪ КРѢПОСТЕЙ. — СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ТРОИЦКОМЪ. — ОТСУТСТВІЕ ПУГАЧЕВА. — ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА ЕГО СЪ МЕХЛЕСОМЪ. — ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ПУГАЧЕВА. — ВЪЯДѢСТВІЕ ВОЙСКЪ. — ВЪЯТІЕ ОСЫ. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ КАЛАНЬЮ.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые Маіоромъ Шевичемъ, проскакали черезъ Сакмарскую линію съ тремястами Яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и Оренбургскіе Калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шестисотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставный Подполковникъ Мельковичъ, человекъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ началь-

ство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; Башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости, Полковникъ Ступишинъ, вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, отрезалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поступить такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года ¹⁾, явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствие разгорѣлось съ вѣщней силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева; Михельсонъ снѣлся преслѣчь ему дорогу; но распутища его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продолжалъ путь, не смотря на

всевозможныя препятствія, и 5 Мая у Сидяскаго завода настигъ толпу Башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпыиъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на встрѣчу Михельсону, съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнял у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехсотъ человекъ, разсѣялъ остальныхъ, и спѣшилъ къ Уфскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева; но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ, и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ Башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, разягши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5 Мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплаты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-Поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ Верхо-Яицкаго Коменданта, Полковника Ступинина, донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Киселевской. Не дошедъ уже

пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго Башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближался къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской; но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была, разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя дѣлю, пошелъ внутреннею дорогою, прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось еще только на одни сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости; но узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ, разоренныхъ крѣпостей. Офицёрскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и подалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 Мая утромъ приближился онъ къ Троицкой, въ шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположив-

шагося лагеремъ подъ крепостію взятою имъ на-
канунъ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пу-
гачева было болѣе десяти тысячъ войска и до три-
дцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ че-
тыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей
палаткѣ, жестоко страдавъ отъ раны, полученной
имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распоряжалъ Бѣ-
лобородовъ. Наконецъ матежники разстроились. Пу-
гачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою
бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ;
но все разсыялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ
одною пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдо-
вать было невозможно. Конница была слиткомъ
изнурена. Въ лагерь найдено до трехъ тысячъ лю-
дей всякаго званія, пола и возраста; захваченныхъ
самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крепость
была спасена отъ пожара и грабежа. Но Комен-
дантъ, Бригадиръ Фейерваръ, былъ убитъ на-
канунъ, во время приступа, а офицеры его похи-
нены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, видя, что усталость
войска и изнуреніе лошадей не позволяютъ Декалон-
гу воспользоваться своею побѣдою, привели въ у-
стройство свои разсыяныя толпы, и стали въ по-

рядъ отступать, забирал крѣпости и быстро увеличался. Майоры Гагринъ и Молобовъ, отряженные Декалономъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

Михельсонъ, между тѣмъ, шель Уральскими горами, по дорогамъ мало-извѣстнымъ. Деревья Башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 Мая Башкирецъ, подъ предводительствомъ житежнаго старшины, на него напалъ и сразился отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, сильно пощаженаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Пажинный Башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалона. Михельсонъ, нашедъ ея вѣрности сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пути-

чева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ уси-
щаль онъ о побѣдѣ Декалонга; и пошелъ на Вар-
ламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву.
Въ самомъ дѣлѣ, 22 Мая утромъ, приближался къ
Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пу-
гачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ
сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сво-
лочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (гово-
рять онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за кор-
пусъ Генералъ-Поручика и кавалера Декалон-
га; но скорѣ удостоверися въ истинѣ. Онъ оста-
новился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣ-
ва, прикрывавшаго его, тыла. Пугачевъ двинулся
противу него, и вдругъ поворотилъ на Чербакуль-
скую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ,
и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый
разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ
нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ
кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ
на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстрой-
ство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ
на мятежниковъ со всею своею конницею, разсыпавъ
ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки,
а съ ними и последнюю, оставшуюся у Пугачева
часть его разбитія подъ Троицкой, сложилъ на

мѣствъ до шести-сотъ человекъ, въ плѣнъ взялъ до пяти-сотъ, и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. — На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгой выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе ²⁾.

23-го, Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу; а Декалонгъ, самъ обѣщая выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябинѣ, и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагринна.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько Лицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27 Мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ. Слѣдуетъ, съ новою шайкою, злодѣйствовать въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ уже разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагринна и Жолובה, и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сводочи, съ ними успѣлъ соединиться.

Михельсонъ, на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой раздѣлъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Черезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ад. Мосты были сняты. Мителники на противоположномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться впасть, взявъ съ собою по одному егерю. Мятельники бросались было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егеря и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; пороховъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смаялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ-сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бялобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ наудачу, и 2 Юня отряженный имъ Капитанъ Карташевскій ночью былъ обнаруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подошелъ къ нему на помощь. Мятельники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ не много впередъ, съ частію своей конницы. Слѣдующія распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятельниковъ неожиданно окружила его обозъ,

и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіи шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ успѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 5 Юня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ, и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ, Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человека. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастися всемъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декамонгъ стоялъ въ Челябинѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предво-

дитель робкій и нерышительный, стоялъ въ Кизилъ-
екской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ
Зелайрскую ⁴⁾ крѣпость съ лучшею его конницею. II
Станиславскій узнавъ, что Пугачевъ близъ Вер-
хо-Яицкой крѣпости собралъ значительную тол-
пу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую
свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и
Обернибъсовъ и Маюръ Дуве находились около
Уфы. Вокругъ ихъ спокойно собирались бунту-
ющіе Башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ
ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на
другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая
о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію Князя
Щербатова, войско Голицына оставалось безъ вся-
кой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка,
въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова
разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ ⁵⁾.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура Маюромъ
Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургъ; но
узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился
къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности.
Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу Маю-

ра Скрынницына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадеялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь Маіору Скрынницыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыя распоряженій.

18 Іюля Пугачевъ явился передъ Осю. Скрынницынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ ополченцамъ и идти на приступъ. Матожники вошли въ городъ, выжгли его; но отъ крѣпости отрядены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу, и мостили топкія мѣста. 20го июля снова приступилъ онъ къ крѣпости, и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ совѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и замочъ такимъ образомъ деревянные стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадахъ въ

ближкое разстояние отъ крапости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрышницинъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на одинъ сутки, и сдался на другой день, призвавъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и дѣбломъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его инагу. Неостатный, думая современно оправдаться, написалъ общо съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Микеевымъ, письмо къ Казанскому Губернатору, и послалъ при себѣ въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрышницинъ и Смирновъ повѣшены, а доноситикъ названъ отъ Пугачева Подковникомъ.

23 Іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму, и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительно умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія Губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за

успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался, и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а Маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ жителей были наскоро вооружены. Брантъ и Комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генераль-Маіоръ Потемкинъ начальникъ Тайной Коммисіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ Казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева, и 10 Іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ

города: Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ,⁶⁾ а отрядъ его разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ Казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ, и возвратился въ лагерь, отложивъ приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПУГАЧЕВЪ ВЪ КАЗАНИ. — ВѢДЕНІЕ ГОРОДА. — ПОСЛѢДНІЕ МИХАЙЛОВА. — ТРИ
СРАЖЕНІЯ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ КАЗАНИ. — СМѢДАНІЕ ПУГАЧЕВА СЪ ЕГО СЕМЬСТВОМЪ.
— ОПРОВѢЖЕНІЕ КЛЕВЕТЫ. — РАСВОЯВЕНІЕ МИХАЙЛОВА.

12 Июля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между конми везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рошу и загородный домъ Кудряцова, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не по-

шелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Миссова. Эта сволочь, болышею частію безоружная, подгоняемая казацкими кагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лоциды въ лоциву, перепазывала черезъ высоты, подверженные пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты, съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева; влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній Губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицы, въ кучахъ ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконой слободѣ. Сукошники (люди равнаго званія и болышею частію кулачные бейцы), ободряемые Пресвященнымъ Веніаминомъ, вооружились тѣмъ имъ пошло, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ ¹⁾. Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы, и бросались въ улицы. Сукошники приняли было ихъ

въ рычаги, въ конья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонера. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки, и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суколицы бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣдному убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ Нѣмецкомъ платѣ. Пугачевъ, поставя свои баттарен въ трактиръ Гостиного двора, за церквами, у триумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, занимающему ея правый уголъ и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую, поставя на церковной пашерти, стрѣлялъ по крѣпости, въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее отголѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари,

съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждающіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколько человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣи вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ, и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, прагнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спраши-

вали: кто желаетъ служить Государю Петру Овдоровичу!—Охотниковъ нашлось множество.

Пресвященный Веніаминъ ²⁾ во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, и на колѣнахъ со всемъ нарядомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы, и не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всемъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сеговождаемымъ народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи. — Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны, и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но, вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ, съ изумленіемъ увидѣли: гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ оенцеромъ, посланнымъ отъ него къ Губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло

съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою Маіора Дуве, и 21 Іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубвичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли на-встрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки Башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27 Іюня разбивъ на дорогѣ толпу Башкирцевъ и Татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы, и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ пятнадцати верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ

пущечную пальбу. Къ полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Подневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился чрезъ лѣсъ одною колонною, и вышедъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую баттарю. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ.

Передъ баттареей простиралось болото, чрезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ, какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ баттарей; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣляясь на двѣ кучи, пошли — одни на встрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили баттарей и открыли огонь; другіе старались захватить въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго чрезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемьсотъ человекъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. На встрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля: Пугачевъ, узнавъ о мало-

численности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ Губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перенелъ черезъ Казанку, и удаллся за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдельными своими отрядами, и 15 Юля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи идти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленныя толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже

два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу ихъ съ осьмьюстами карбинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу, и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ Казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ пленныхъ и десять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человекъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣ-

телей его победы. Губернаторъ, измученный болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи Дворянства и Духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ Соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ осьми-сотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехъ-сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти-сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился Директоръ Гимназіи, Каниць, нѣсколько Учителей и учениковъ, и Полковникъ Родіоновъ. Генераль-Маіоръ Кудрявцовъ⁹⁾, старикъ сто-десяти-лѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плѣтей и ка-торги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева, съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ; но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: *я ее знаю; мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу* ⁴⁾. Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и, по приговору Военнаго Суда, загнать былъ сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скудеѣ, очутился богатъ!

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Свѣтомъ: утверждали, что

Михельсонъ могъ предупредить вѣзтіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славы, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро, и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло, и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять, безъ доказательства, стараго, заслуженаго воина, прошедшаго всю жизнь на полѣ чести, и умершаго Главнокомандующимъ Русскими войсками ⁵⁾.

14 Юля прибылъ въ Казань Подполковникъ Графъ Меллинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь

быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому-же конница была слишкомъ нагурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсыяныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе извѣстными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письмо Генерала Стуренина. — Намѣреніе Екатерины. — Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Всеволожскаго. — Споры Державина съ Боняковомъ. — Взятіе Саратова. — Пугачевъ подъ Царицынымъ. — Смерть Астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выдаетъ Правительство. — Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. — Базисъ вѣстовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремястами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата ¹⁾. Онъ находился въ

Казани военнооплавленнымъ, и изъ ненависти къ Россіи, присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ Пасторъ Реформатскаго исповѣданія. Во время Казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный Пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково, и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ-Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань 2).

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 Іюля, онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человекъ лучнаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смутеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне вѣбунтовались; иновѣрцы и Новокрещенные стали убивать Русскихъ Священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отсюда приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли³⁾. Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ Воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій Губернаторъ, Генералъ-Поручикъ Ступишинъ, писалъ къ Князю Волкожемскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллигъ переправился черезъ Волгу, и 19 Іюля выступилъ изъ Свияжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбир-

ску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ. . . .

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія идти на старую столицу. Окруженный отсюда войсками Правительства, не довѣря своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была: пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу, и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго, съ предложеніемъ о выдать самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему: однако вошло съ нимъ въ сношеніе ⁴⁾. Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мѣтежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать нѣдальніи области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ: и каждая имѣла у себя своего Пугачева

Сія горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе, и омрачили радость, произведенную окончаніемъ Турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля, рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ Князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала Сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе Отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ Двора и, подобно Бибикову, бывшій въ немилости, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ ⁵⁾, самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго Своего подданнаго, и Графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти на - встрѣчу Пугачеву, получивъ,

въ своей деревнѣ, повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками туда посланными. Такииъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20 Юля, Пугачевъ подѣ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмущительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной и унтеръ-офицеръ, коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили, и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать Чувашамъ казенное вино; повѣсилъ нѣсколько дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подѣ начальствомъ четырехъ Яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холоповъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку, для задержа-

нiя Графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и Графъ Меллигъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю; но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита Воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена Графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсыяна. Меллигъ поспѣшилъ къ Алатырю; мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшася Воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими *не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества.* «А что мы, писали они Ступишину, передъ Богомъ и Всемилостивѣйшею Государынею нашей нарушили присягу, и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ.» Двадцать человекъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отражая во всѣ стороны свои шайки. Не

знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти, разлѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 Юля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ. . . . Триста чловѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллигъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ Прапорщика Шахматова, посаженнаго въ Воеводу отъ самозванца, также и другихъ важныхъ намянниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетми подъ вислицю.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Мухомель изъ Симбирска спешилъ ему же навстрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ петербургскимъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отразить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ съѣхать за ними; но, получа указъ отъ 8 Юля, сдалъ начальство Князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приближился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ свастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ со своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ поселился въ Воеводу господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о взятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Мальковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узеньиъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ Гвардіи Поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 Августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства Колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сечь, по берегу разставить баттарей и итти навстрѣчу

Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ вѣрнейшей ему крѣпости и Божіихъ церковей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но ни кто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось извѣстное письмо Державина къ упрямому Коменданту ⁶⁾.

4 Августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ на-встрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ Есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обрат-

но къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжнскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка ⁷⁾.

5 Августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехъ-сотъ Яицкихъ казаковъ и ста-пятидесяти Донскихъ, приставшихъ къ нему накануне, и тысячъ до десяти Калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ, холоповъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ Саратовскихъ казаковъ для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ Головою Протопоповымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобъ онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ: какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома, вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подѣ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ баттарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба

упала въ пятидесяти саженьхъ. Онъ обогналъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе: однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ Саратовскимъ баталіономъ, рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ Маіору Салманову выступить съ первою половиною баталіона; но, замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратился ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человекѣми офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ — пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги. Казну и канце-

ларскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 Августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ Коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева, и 9 Августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили въ слѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные Польскимъ конфедератомъ (неизвѣстно кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодую на его звѣрскую свирѣпость). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи Полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однакожь прибытіемъ Полковника Обернибъсова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ, на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики, или ихъ управители ⁸⁾. Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете? Петру Ѳеодоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные

люди не смѣли отвѣчать, не зная—какой стороной принадлежали вопрошатели.

13 Августа Пугачевъ приближился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ Маіоръ Дицъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею Донскихъ казаковъ и пятьюстами Калмыковъ, предводительствуемыхъ Князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ почевалъ на мѣстѣ сраженія; на другой день занялъ Дубовку, и двинулся къ Царицыну.

Въ семь городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ Полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21 Августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи Донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бонянякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Мухель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ Астронома Ловица, и спросилъ, что онъ за человекъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить поближе къ звездамъ. Адъютантъ Иноходцевъ, бывший тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами 9). Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го, на разсвѣтѣ онъ достигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его, и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидалъ

передъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обонимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, неуспѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь, и перетонули.

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную справед-

ливость быстротѣ, искусству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лице является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, Государственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистрин; но Графъ Румянцевъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ Государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи же войны, Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ Князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ Графомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отрядѣ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ Графа Панина предписаніе Начальникамъ войскъ и Губернаторамъ—исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ запасомъ углубился въ простран-

жую степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Мелнигъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкой полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; Князь Голицынъ и Мансуровъ арестовали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими Калмыками рыскалъ по степи; разѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощенье, стали стовариваться, и рѣшились выдать его Правительству.

Пугачевъ хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились: но сказавъ, что хотѣтъ взять съ собою жену и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 Сентября они прибыли въ селеніа та-

монашнхъ старобѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, несогласившіеся отдаться въ руки Правительства, разсѣялись. Прочіе пошлѣ къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казакѣвъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать, идти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. Что-же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки, и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну*, сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, Илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *аля!* Твороговъ хотѣлъ ему окрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю до-

рогу Пугачевъ имъ угрожалъ местию Великаго Князя. Однажды нашель онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолеть, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но ни кто уже его не слушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали уведомить о томъ Коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій посланы были къ нимъ на-встрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ Гвардіи Капитанъ-Поручику Маврину, Члену Слѣдственной Коммиссіи ¹⁰⁾.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. *Богу было угодно, сказалъ онъ, наказать Россію черезъ мое окаменение.*—Вѣрно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потушили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать, и сказалъ: *вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился,*

то все, что ни дѣлаю, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли. Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашелъ на огни, раскладенные въ степи вооруженными Киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человекъ, и между ними своего Адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкой городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телегѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ

избы, гдѣ дочевалъ Пугачевъ. Его ввсадили въ клетки, привязали къ темлгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспоярѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ Октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.—Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. — *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ.—Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ.—*Я не воронъ* (возразилъ Пугачевъ, игралъ словами, и изъяснялся, по своему обыкновенію, иносказательно), *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ*.—Надобно знать, что Яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клочъ бороды. Пугачевъ сталъ

ля колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около пояса, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Команданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свидѣнiе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великiя злодѣянiя?—Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государицей, но буду стараться заслужить все мои вины.* Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться ¹²⁾. Его везли въ зимней кибиткѣ; на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ; гвардiи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Повало-Швейковскiй, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшiй въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его кибитки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще рассказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на

вопросы провѣзжкъ господѣ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиренымъ немиккою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монашескій дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Рассказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа ¹²⁾. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ, къ висѣлицѣ; осьмнадцать человекъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнуть была высокая намость. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жесто-

каго мороза. Кровли домовъ и лавокъ устѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заклебалось и зашумѣло; закричали: везуть, везуть! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва выпедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою Поэта и Государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтеніемъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко:

ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, и Донской казакъ, Зиновейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на Соборъ, часто крестился; между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалого роста, сутулый, рябой и свирѣловидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ, послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ Соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ землю сокрубилъ предъ тобою . . . прости, народъ православный!* При семъ словъ Экзекуторъ даль знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелкового малиноваго полукафтаныя. Тогда онъ сплелъ руками, повалился навзничь, и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ ¹³⁾. “

Палачи имѣли тайное повелѣніе, сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокой колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его водили, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ. . . Въ сіе время завенѣлъ колокольчикъ; Чинку повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговья казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, приоужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилуемые мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую Палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непрости-

тельному нерадѣнію начальства, и поколебавшій Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореня послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ Уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую — такъ выразительно — прозвалъ онъ пугачевщиною.

ПРИМЪЧАШЯ
КЪ ИСТОРИИ
ПУГАЧЕВСКАГО БУШТА.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ПЕРВОЙ.

(1) Нѣкоторые изъ ученыхъ Яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. Мнѣніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи Яицкихъ казаковъ находимъ мы въ *Историческомъ и Статистическомъ Обзорѣнн Уральскихъ казаковъ*, сочиненія А. И. Левшина, отличающагося, какъ и прочія произведенія Автора, истинною ученостію и здравой критикою.

„Время и образъ казачьей жизни (говорить Авторъ) лишили насъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній о происхожденіи Уральскихъ казаковъ. Всѣ историческія объ нихъ извѣстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, не совсѣмъ опредѣлительныхъ и ни къ кому критически неразобранныхъ.

„Древнѣйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи Станичнаго Атамана Яикскаго, Феодора Рукавишника, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 1720 года (1).

„Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ: 1) Донесеніе Оренбургскаго Губернатора Неплюева Военной Коллегіи отъ

(1) Сіе доношеніе, въ копіи мною найденное въ дѣлахъ Архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, есть то самое, о которомъ говоритъ Рычковъ въ своей Топографіи; но отъ Рукавишника называется Брашенинниковымъ. Нѣкоторые, достойные вѣроятія, жители Уральскіе сказывали мнѣ, что Атаманъ сей носилъ обѣ фамиліи. Л.

22 Ноября 1748 года (2). 2) Оренбургская Исторія Рычкова 3) Его же Оренбургская Топографія. 4) Довольно любопытный рукописный журналъ бывшаго Войсковаго Атамана Яикскаго. Ивана Акутина (3). 5) Нѣкоторые новѣйшіе акты, хранящіеся въ Архивахъ Уральской Войсковой Канцеляріи и Оренбургской Пограничной Коммисіи.

„Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи Уральскихъ казаковъ.

„То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда причислено; ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на догадкахъ, а не чѣмъ недоказанныхъ, часто противорѣчащихъ истинѣ и неясныхъ. Такъ наприкладъ, сочинитель примѣчаній на Родословную Исторію Татаръ Абулгази - Баядуръ - Хава утверждаетъ, что казаки Уральскіе произошли отъ древнихъ Кипчаковъ; что они пришли въ подданство Россіи въ слѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣютъ особый смѣшанный языкъ, которымъ говорятъ со всѣми соседними Татарами; что они могутъ выставить 30,000 вооруженныхъ воиновъ; что городъ Уральскъ стоитъ въ 40 верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспійское море и пр. (4). Всѣ сіи неясности, которыя не заслуживаютъ опроверженія для Русскихъ, приняты однако жъ въ прочихъ частяхъ Европы за справедливыя. Знаменитый Пуссендорфъ и Дегинъ внесли ихъ, къ сожалѣнію, въ свои сочиненія (5).

(2) Отпускъ сего донесенія нашелъ я также въ Архивѣ Оренбургской Пограничной Коммисіи. *Л.*

(3) За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свидѣнія, на которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѣкоторымъ чиновникамъ Уральского войска. *Л.*

(4) Родословной Исторіи о Татарахъ часть 2-я, глава 2-я, также часть 2, глава 9. *Л.*

(5) Histoire des Huns et des Tat. liv. 19, chap. 2. *Л.*

„Воспримаясь къ вышеупомянутымъ пяти источникамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою) во всѣхъ видахъ ту главную причину, что Яикскіе или Уральскіе (6) казаки произошли отъ Довскихъ; но въ времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь мѣстахъ не имѣдимъ положительнаго и единогласнаго извѣстія.

„Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы, въ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на Яикъ, *можетъ быть, назадь около двухъ сотъ лѣтъ*, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія.

„Нестлюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

„Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ: *начало сего Яикскаго войска, по извѣстіямъ отъ Яикскихъ Старшинъ, произошло около 1582 года* (7). Въ Топографіи же, сочиненной послѣ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе казаковъ на Яикъ случилось въ XIV столѣтіи (8).

„Сіе послѣднее извѣстіе основано имъ на преданіи, полученномъ въ 1748 году отъ Яикскаго Войскаго Атамана, Ильи Меркульева, котораго отецъ, Григорій, былъ также Войсковымъ Атаманомъ, жилъ сто лѣтъ, умеръ въ 1741 году, и слышалъ въ молодости отъ столѣтней же бабки своей, что она, будучи лѣтъ двадцати отъ-роду, знала очень старую Татарку, по имени *Гугмху*, рассказывавшую ей слѣдующее: „Во время Тамерлана одинъ Донской казакъ, по имени Василій Гугна, съ 30 человѣками товарищей изъ казаковъ же и однимъ Татаринномъ, удалился съ Дона для грабежей на Востокъ, сдѣлалъ лодки, пустился на оныкъ

(6) Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала. Л

(7) Извѣстія объ Уральскомъ войскѣ, помѣщенныя въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году. Л.

(8) См. Сочиненія и переводы ежемѣсячные 1762 года, мѣсяць Августъ. Л.

въ Каспійское море, дошла до устья Урала, и найдя окрестности онаго необитаемыми, поселился въ нихъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, шапка сія напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣсахъ трехъ братьевъ Татарь, изъ которыхъ младшій былъ женатъ на вѣй Гутникѣ (повѣствовательницѣ), и которые отдѣлились отъ Золотой Орды, также разсѣявшейся потому, что Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи, намеревался напасть на оную. Трехъ братьевъ сихъ казаки побили, а ее Гутнику взяли въ плѣнь, и подарили своему Атаману.“ Далѣе, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, также повѣствовательница разсказывала—„что мужъ ея еще въ дѣтствѣ слышалъ о Россійскомъ городѣ Астрахани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней соединилось много Татарь Золотой Орды и Русскихъ, что они убивали дѣтей своихъ и пр.“

„Продолженіе ея разсказовъ сходно съ тѣмъ, что мы будемъ описывать за истинное; но изложенное сей-часъ начало, же взирая на извѣстную ученость, полезныя труды и обширныя свѣдѣнія Рычкова о Средней Азійи и Оренбургскомъ краѣ, хронологически невозможно, и противно многимъ несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ. Поелику же сія повѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для Исторіи Уральскихъ казаковъ, и поелику она неоднократно повторена въ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ (9), то мы обязанностию почитаемъ войти въ нѣкоторыя, даже скучныя, подробности, для опроверженія оной:

„1. Если Атаманъ Григорій Меркурьевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году: то онъ родился въ 1641, или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, разсказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака Исторію, и слѣдова-

(9) Напр., въ хозяйственномъ описаніи Астраханской губерніи 1809 года; въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр. Л.

тельно умершая не прежде, какъ когда ему было лѣтъ 15, то есть около 1656 года, должна была родиться въ 1556 году, или хотя въ 1550; Гугнику же узнала она на 20 году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положивъ теперь, что Гугникъ было тогда лѣтъ 90, выдетъ, что она родилась въ 1480 году, или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такія происшествія, которыя были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году? (10).

„ 2. Мужъ Гугника въ малыхъ лѣтахъ слышалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Янка не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе (11). Известно, что Астрахань взята въ 1554 году (12); и такъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугника и мужъ ея жили въ XVI столѣтіи? Такое предположеніе ближе къ истинѣ, и, какъ увидимъ сей-часъ, согласнѣе съ прочими извѣстіями о началѣ Уральскихъ казаковъ.

„ 3. И Гугника, и Рукавишниковъ, и Рычковъ въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самимъ слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласно говорятъ, что Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ. Но во времена Тамерлана, Донскіе казаки еще не существовали, и Исторія нигдѣ намъ не говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даже если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ Азовскими казаками, то и о сихъ послѣднихъ, какъ пишетъ Г. Карамзинъ (13), лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е. слишкомъ чрезъ сто лѣтъ послѣ нашествія Тамерлана.

(10) Исторія Россійская, Г. Карамзина, томъ 5, стр. 144. Л.

(11) Подлинныя слова Рычкова въ той же 2 главѣ Топографіи. Л.

(12) Той же Исторіи Г. Карамзина, томъ 8, стр. 322. Л.

(13) См. Истор. Рос. Государства, томъ 6, примѣч. 495. Л.

„4. Въ XIV столѣтіи Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-Татарскими. Какъ же могла гореть буйныя казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи неприятелей, но даже поселиться между ними, и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свидѣніями въ Исторіи нашей, говоритъ: (14) *пока Татары южными Россійскаго Государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ничего не сдѣлано было.*

„Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщенной Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, примемъ первая его объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи; дополнимъ оныя свидѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникава и Неплюева, и преданіями, мною самимъ собранными на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ Писателей, и предложимъ читателямъ слѣдующее Историческое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.“

(2) О Гугнихъ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.

(3) Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что она сгорѣла во время бывшаго пожара. „Не только сія Грамота, говоритъ Г. Левшинъ, безъ которой нельзя точно опредѣлить начала подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями Михаиломъ Феодоровичемъ,

(14) Въ статьѣ *О началѣ и происхожденіи казаковъ*. Сочин. и перев. 1760 года. Л.

Алексѣемъ Михайловичемъ и Феодоремъ Алексѣевичемъ, сгорѣ-
ли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Пеплюевымъ
въ Яицкой Войсковой Избѣ, была Грамота Царей Петра и
Иоанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ
службахъ войска съ времянь Михаила.⁴

Съ 1655, то есть съ первой службы Уральскихъ казаковъ
противъ Поляковъ и Шведовъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о
походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ служили триста казаковъ
подъ Чигриномъ. Въ 1683 послано было изъ нихъ 500 чело-
вѣкъ къ Мензелинску, для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ,
за что, сверхъ жалованья, деньгами и сукномъ, повелѣно было
снабжать ихъ артиллерійскими снарядами (*). Со времянь Петра
Великаго они были употребляемы въ большой части главныхъ
военныхъ дѣйствій Россіи, какъ то: въ 1696 подъ Азовомъ; въ
1701, 1703, 1704 и 1707 противъ Шведовъ; въ 1708 году 1225
казаковъ были опять посланы для усмиренія Башкирцевъ; въ
1711 году 1500 человекъ на Кубань; въ 1717 году 1500 каза-
ковъ пошли съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву; и
такъ далѣе. (Г. Левшинъ.)

(4) Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что Царскіе Стрѣльцы
вѣроятно помѣшали Яицкимъ казакамъ принять участіе въ воз-
мущеніи Разина. Какъ бы то ни было, выпытанные Уральскіе каза-
ки не терпятъ имени его, и слова *Разина порода* почитаются у
нихъ за жесточайшую брань.

(5) Въ тѣ жъ времена изъ казаковъ Яицкаго войска нѣкто, по
прозванію Печай, собравъ себѣ въ компанію 500 человекъ, взявъ
намѣреніе итти въ Хиву, уповавъ быть тамъ великому богат-
ству, и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился
онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горъ, называемыхъ пын!

(*) Домошнее Пеплюева и Журналъ Акутина.

Дьяковыми, отъ выпышняго городка вверхъ Янка 30 версты, основались, и по казачьему обыкновенію учинилъ совѣтъ, или кругъ, для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать человека, для показанія прямого и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учиненъ былъ о томъ докладъ, тогда Дьякъ его, или Писарь, выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное изъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной незнакомой, провіанта съ ними недовольно, да и самигъ ихъ на такое великое дѣло малоллюдно. Помянутый Нечай отъ сего Дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣстеть: почему онъ тогда жъ и повѣщенъ, а оныя горы прозваны, и понынѣ именуются *Дьяковыми*.

Отправясь онъ Нечай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда Хивинской Ханъ со всемъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ мальхъ и престарѣлыхъ, никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а Ханскихъ жень въ полонъ побралъ, изъ которыхъ одну онъ Нечай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По такому счастливому завладѣніи, онъ Нечай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та Ханская жена, знатно полюбила его Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животь свой спасти, то бѣ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы Ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хогя онъ Нечай той Ханской жень наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а Ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего походу, и вида, что городъ его Хива разграбленъ,

еще мало не мѣшкавъ, со всемъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Нечайъ отправился, и чрезъ три дни его настигъ на рѣкѣ именуемой *Сыр-Дарья*, гдѣ казаки чрезъ горловицу ея переправились, и шапалъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечайъ съ казаками своими хотя и храбро оборонялся, и многихъ Хивинцевъ побилъ, но напоследокъ со всеми имѣвшими при немъ людьми побитъ, кромѣ трехъ или четырехъ чело­вѣкъ, кои ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились, и о его гибели рассказали. Въ ономъ Войсковыхъ Атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы Хивинцы съ того времени оную горловицу, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство, за неизвѣстіемъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ Войсковыхъ Атамановъ сказано.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того Яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки *Чагана*, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію *Шамай*, прибравъ себѣ въ товарищество чело­вѣкъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Нечайъ, а именно, чтобъ еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для важны тамшними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отопедаъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки *Сыр-Дарья*, на степи усмотрѣли двухъ Калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства, и разрывали ямы звѣрныя; ибо тогда около оной рѣки *Сыр-Дарья* кочевали еще Калмыки. Захвата сихъ Калмыцкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя Калмыки оныхъ своихъ

ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе Калмыки, озлобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что собравшись многолюдно, скрылись въ потаенное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ Калмыкъ, и приказали, усмотря Яицкихъ казаковъ, рыть землю, и бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, явобя они роютъ зѣриныя жъ ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ подумали, что то еще Калмыцкіе гулебищии роютъ ямы, и сназали о томъ Шамай, своему Атаману, и потому всѣ изъ обозу поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытое Калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на Калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ ударили, и помянутаго Атамана съ нѣсколькими казаками захвата, удержали у себя одного Атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими Калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпуста, требовали оныхъ своихъ Калмычать къ себѣ обратно; но Наказной Атаманъ отвѣтствовалъ, что у нихъ Атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ Атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горюшину Сырь-Дарьи переправлялись, не потражили, но пропѣли выше угодилан къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта же слава. Къ тому же наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой глady пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіе жъ посылали къ Хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ себѣ взяли, и спасли бы ихъ тѣмъ отъ смерти; почему прѣхавъ къ нимъ Хивинцы, всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оныя Яицкіе казаки 300 человекъ тамъ пропали. Означенный же Атаманъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, Калмыками привезенъ и отданъ въ Яицкое войско. (*Топографія Оренбургская.*)

(6) Смотри статью Г-на С. *О внутреннемъ состояннмъ Донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтнл*, напечатанную въ *Соревнователѣ Просвѣщеннл* 1824 года. Вотъ что пишетъ Г. Левшинъ о казацкихъ кругахъ: „когда скоро, бывало, получится какой-нибудь указъ, или случится какое-нибудь общее войсковое дѣло; то на колокольныхъ соборной церкви бьютъ *сполохъ*, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ Войсковой Избѣ, или Приказу (что нынѣ Канцелярнл Войсковая), гдѣ ожидаетъ ихъ Войсковый Атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то Атаманъ выходитъ къ оному изъ Избы на крыльцо, съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ Есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собраннл, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву, и кланяются сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки, подходятъ къ Атаману, принимая отъ него приказаннл, возвращаются къ народу, и громко привѣтствуютъ оный семи словами: *Помолкте, Атаманы молодцы и все великое войско Янцкое!* А наконецъ, объявивъ дѣло, для котораго созвано собраннл, вопрошаютъ: *Любо-ль, Атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или поднимаются ропотъ и крики: *не-любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если казаки были имъ довольны, то убѣжденнл его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась. (*Исторнл и Статнст. Обозрѣннл Уральскихъ казаковъ.*)

(7) Уральское казачье войско также, какъ и всѣ казаки, не платятъ Государству податей; во оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованнл выставлять на свой счетъ определенное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ;

я въ случаѣ нужды, всѣ, считающіеся на службѣ, должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ Уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Сакмарской станицахъ. Сія оба полка, какъ неучаствующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ Уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ Армію; но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ Киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно неслужащіе, выставляютъ на свой счетъ полки въ Армію, и стражу на линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ первая, такъ и вторая служба, несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи Правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ, дѣлается раскладка: на сколько человекъ, считающихся въ службѣ, приходится поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ Миссія нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки, не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышнемъ для себя.—Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейную стражу, самая малая: потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственныя дома, скотоводство, мѣду и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны по-видимому несправедливое, потому, что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой сторо-

ны полезно: ибо—1-е, теперь всякой казакъ, выступающій въ походъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, чело-вѣкъ занимающійся промысломъ какимъ-нибудь, или работою, полезенъ для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно идти на службу, которую бы отправлялъ очень неисправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ; а потому и на рыбныя ловли безъ платы ѣздить не могутъ. — (*Историк. и Статист. Обзорніе Уральскихъ казаковъ.*)

Выписываемъ изъ той же книги живое и любопытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ.

„Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство Уральского войска, и рассмотримъ оное подробнѣе какъ потому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ богатства здѣшнихъ жителей, такъ и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего замѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно послѣ весенняго половодья дѣлаютъ изъ толстыхъ бревенъ чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, называемую *учугъ*, который оставаливааетъ и не пускаетъ далѣе въ верхъ рыбу, идущую изъ моря (*).

„Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни одной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго Войсковымъ Канцеляріемъ, суть:

„1-я, Багренье, раздѣляющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа Декабря, и не продолжается долѣе 25-го; второе начинаютъ около 6 Января, и оканчиваютъ

(* По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много въ Уралѣ рыбы, что отъ напору оной учугъ ломался, и ее прогоняли навадь пушечными выстрѣлами въ берега.

въ томъ же мѣсяцѣ, Багрять рыбу только отъ Уральска версты на 200 внизъ; даѣе не продолжаютъ, потому, что тамъ производится осенняя ловля.

„ Образъ багренья таковъ: въ назначенный день и часть являются на Уралъ Атаманъ багренья (всякой разъ назначаемый Канцелярію изъ Штабъ-Офицеровъ), и всѣ имѣющіе право багрить казаки, всякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну лошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими баграми, конгъ желѣзные острія лежать на гужахъ хомута у оглобан, а деревянные составные шесты, длиною въ 3, 4, иногда въ 12 сажень, тащатся по снѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впереди Атаманъ и около его нѣсколько конныхъ казаковъ, для соблюденія порядка; а за нимъ рядами всѣ выхавшіе багрить. Число сихъ послѣднихъ простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; ежели кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста одинъ, то передовые блюстители порядка рубятъ у него багры и збрую.

„ Строгая и сираведливая мѣра сія неволью удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ конгъ почти у каждаго на лицѣ написано нетерпѣливое желаніе скорѣе пуститься впередъ. Этого мало: да же у лошадей ихъ, приученныхъ къ сему промыслу, въ глазахъ видно нетерпѣніе оказать. Атаманъ, на котораго всѣ взоры устремлены, ходя около саней своихъ, и приближаясь къ нимъ какъ будто для того, чтобъ садиться, и опять отходя, не разъ заставляетъ ихъ ошибаться въ сигналѣ; наконецъ онъ дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знакъ, пускаетъ во всю прыть лошадь свою, и за нимъ скачетъ все собравшееся войско. Тутъ уже нѣтъ никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другаго, и горе тому, кто по несчастію вывалится изъ саней. Если онъ не будетъ раздавленъ, чему пригѣровъ мало помнать, то легко можетъ быть изуродованъ.

„Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту (*), всѣ сани останавливаются; всякой выскакиваетъ изъ нихъ съ невозможною поспѣшностію, пробиваетъ во льду небольшой прорубь, и тотчасъ опускаетъ въ него багоръ свой. Картина, представляющаяся въ сію минуту для зрителей съ береговъ Урала, обворожительна! Скорость, съ каковою всѣ казаки другъ друга обгоняютъ; всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по приѣздѣ на мѣсто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій на льду лѣсъ багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, поднимается съ мѣста, суетится и напирается на багры, опускаемые такъ, чтобы они на нѣсколько вершковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ мѣстѣ, иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ начала багренья, какъ уже вездѣ на льду видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшаяся на багоръ, столь велика, что одинъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ проситъ помощи, и товарищи его или сосѣды *подбагриваютъ* ему. На каждый день багренья назначается рубежъ, далѣе котораго никто не долженъ ѣхать.

„Послѣ малаго багренья ежегодно отправляютъ отъ лица Войска нѣкоторое количество наилучшей икры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ вѣрноподданства, издавна существующее, называется *презентомъ*, или первымъ кускомъ. Для ловли таковаго презента обыкновенно назначается лучшее мѣсто или *етовъ*; и если въ оной набагрятъ мало, то недостающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи. Если же во время багренья для Двора поймаютъ рыбы болѣе, нежели

(*). Мѣста сіи называются здѣсь *етовы*, и закрѣплены осенью по множеству рыбы, которая расположившись въ нихъ зимовать, при восхожденіи и заходѣніи солнечномъ на поверхности воды показывается.

нужно, то остальную запрещается нѣсколько времени продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ прежде посланной отъ Войска. Офицеры, съ презентомъ отправляемые, получаютъ денежныя награды отъ Двора на путевыя издержки, на кони и саблю.

„2-я Рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *северюжное* рыболовство, такъ называемое потому, что въ сіе время попадаютъ почти только однѣ северюги. Начинается она въ Апрѣлѣ, тотчасъ по вскрытіи льда подѣ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала до моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ промысловъ, назначается день, избирается Атаманъ, и дается ему пушка, по выстрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки пускаются съ мѣста въ маленькихъ бударяхъ, непомятающихъ въ себя болѣе одного человѣка, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣть свою. Употребляемыя въ сіе время сѣти состоятъ изъ двухъ полотень, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ къ плавающему по водѣ боченку или куску дерева; а другой держитъ казакъ за двѣ веревки. Для привала назначается рубежъ, и противъ него на берегу ставка Атаманская, близъ которой всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возмѣщается вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетровъ и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаютъ, по положенію должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-первыхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ слишкомъ дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказываютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

„3-я *Осенняя плавня*, начинающаяся 1 Октября, оканчивается въ Ноябрь; имѣетъ то отличіе отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употребляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. спле-

тенныя на подобіе мѣшка, который рыбу какъ бы черпають (*); во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей сихъ, *арыгами* называемыхъ, находятся два человека въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начиваютъ осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подѣ начальствомъ особаго Атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или арыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣть меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ Атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или, говоря языкомъ казаковъ, дѣлають другой *ударъ*.

„Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багренье, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря (**).

„4-я, *Неводами*; начинаютъ ловить зимою, также по назначенію Канцеляріи; но не собраніемъ, а по одиначкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подѣ льдомъ на шесть, который направляютъ, куда хотять, посредствомъ прорубовъ.

„5-я, Рыболовство *Аханное* или *Аханами*, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины Декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ онаго раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить, участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому каззку отводится равное пространство на опредѣленное число Ахановъ, опредѣленной же мѣры. Чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

(*) Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.

(**) Каждый казакъ имѣеть при семъ ловѣ у себя работника. За полутора или дву-мѣсячные труды должень онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.

„Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи, и придерживается на обонхъ краяхъ и на срединѣ тремя веревками или петлями, для конгъ дѣлаются три проруба, и въ конъ вдѣваются напки или шестники, на льду надъ прорубами лежаціе.

„Установленные такимъ образомъ Аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходилъ къ нимъ, за средину подымалъ каждый изъ среднего проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, *наслушивалъ*, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ; но, недпуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багренымъ промышленникамъ.

„6-я, *Курхайской* ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморьѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сіи сѣти, снимаютъ въ лодки, на конгъ раздѣлываетъ промышленникъ около своихъ снастей.

„7-я, Ловъ крючками, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживается бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

„О ловѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію высшаго Начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чакажскомъ озерѣ или по здѣшнему морцѣ, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизской степи находящемся.

Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбаца, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, голован. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторыя чѣмъ больше, тѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренье не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяетъ сберегать рыбу иначе, какъ посоливъ ее.

Соль казаки Уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы въ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Эмбы лежащихъ. Есть также и около Узеней небольшія соленыя озера.

(8) Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ Калмыковъ обязаны мы Отцу Іакинѣу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь сообщенный имъ отрывокъ изъ неизданной еще его книги о Калмыкахъ:

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Убайн* и *Сэрымъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными нежисти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія Держава, по покореніи Чжунгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагтай оставила слабыя гарнизоны, которые соседними силами легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрезъ земли Киргизъ-Казакъ тѣмъ менѣе предполагали опасности, что сіи ишцики, отважные предъ купеческими караванами, всг-

да трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнинъ Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсемъ противное: ябо встрѣтились такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

Чжуньгарское Ойратство на Востокъ, нѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже несуществовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, считались бѣглецами, коихъ Россійское Правительство преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагу останавливать ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Торгоговъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности (*), и также предписало Казакамъ и Кѣргызцамъ недопускать ихъ проходить пастбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Кѣргызецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣвшимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Яицкіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нуралю, Ханомъ Меньшой Казачьей ор-

(*) Китай содержитъ въ *Чжуньгаріи* охраняемыхъ войскъ не болѣе 35.000, которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Башгара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Улясутая на пространствѣ не менѣе 7000 верстъ: почему пограничное Китайское Начальство въ *Чжуньгаріи* не могло спокойно смотрѣть на приближеніе Волжскихъ Калмыковъ.

ды: но, за недостаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переправокъ, требовавшихъ довольно времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нуралн: но Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на Югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только нѣсколько времени и то издали тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были итти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ поворотить на Сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Ливно (*).

Но Киргизъ-Казакн, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханы: Нуралн въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эралн въ Большой Ордѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ непрерывно браться, защищая свои семейства отъ плѣна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Кэргызцы (Буруты) довершили несчастье Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхати, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

По перенесеніи неимоверныхъ трудностей, по претерпѣніи безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приблизились къ вожделѣннымъ предѣламъ древней ихъ отчины: но здѣсь новое несчастье представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерей своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно.

(*) См. Опис. Кирг-Кайс. Ордъ и степей Г. Левшина, Ч. II, стран. 256.

Онъ вышелъ изъ Россіи съ 38,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169,000 душъ обоего пола. При вступленіи въ Илн изъ помянутого числа осталось не болѣе 70,000 душъ. (*) Калмыки въ теченіи одного года потеряли 100,000 человекъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Алтаи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ плѣнъ, и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ человѣколюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же разбиты были ихъ кочевья, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ	1,125,000 гол.
Кирпичнаго чаю	20,000 мѣс. (**)
Пшеницы и проса	20,000 чет.
Овчинъ	51,000
Бязей (***)	51,000
Хлопчатой бумаги	1,500 пудъ.
Юрть	400
Серебра около	400 пудъ.

Осенью того же года *Убаши* и *Князя Цебоксъ-Дорцзи*, *Св-*

(*) Такъ показало Китайскому Правительству *Убаши* съ прочими Баярами. Въ книгѣ: *Сь-тэй-Винь-цзынь-лу* число бѣланныхъ въ Россіи Калмыковъ увеличено. Ошибка сія произошла отъ того, что сочинитель помянутой книжки писалъ свои записки по сказаніямъ простыхъ Калмыковъ. См. *Опис. Чжуныг. и В. Туркист.*, стр. 186 и сл.

(**) Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плитокъ чая, изъ коихъ каждая вѣситъ около 3½ ф.

(***) *Бязю* въ Туркистанѣ называется бѣлая бумажная ткань, которая бываетъ неодинакой мѣры.

ринь, Гунгэ, Момынту, Шара-Кэжкэ и Цилэ-Муларь препровождены были къ Китайскому Двору, находившемуся въ Жакэ. Сын Князя, кромѣ *Сэрина*, былъ ближайшее родственникъ Хана *Убаши*, потомки *Чакдорь-Чжаба*, старшаго сына Хана *Люкк*. Одновременно *Цебохь-Дорцзи* былъ правнукъ *Гунмжаба*, младшаго сына Хана *Люкк*. *Убаши* получилъ титулъ Чжорикту Хана; а прочимъ Князьямъ, въ томъ числѣ и оставшимся въ Или, даны разные другіе Княжескіе титулы. Сын Владѣльцы при отъѣздѣ изъ Жэхэ осыпаны были наградами; по возвращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ *Тарготовъ* размѣщены въ *Тарбагатай*, или въ *Хурь-тара-усу*, а *Убаши* съ четырьмя дивизіями *Тарготовъ* и *Гунгэ* съ *Хошотами* поселены въ *Харашарь* по берегамъ Большаго и Малаго Юлдуса (*), гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ Китайскихъ чиновниковъ (**). Калмыки, ушедшіе въ Китайскую сторону, разделены на 13 дивизій.

Россійское Правительство отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россією и Китаемъ договора, обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрина*, ушедшаго изъ Чжунгаріи на Волгу, для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

Впрочемъ Волжскіе Калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году получены съ Китайской стороны разныя извѣстія, что Калмыки намѣреваются возвратиться изъ Китайскихъ владѣній, и по преж-

(*) Въ Вост. Туркестанѣ отъ Или на Юго-востокъ.

(**) Возвращеніе *Тарготовъ* изъ Россіи въ Чжунгарію описано въ *Симизли-чжи-лао*: начальнѣйшій тетрадь на лист. 51—56.

нему отдаться въ Россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано было Сибирскому Начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первый случай въ Кольванской губерніи (*).

Но кажется, что Калмыки, бывъ окружены Китайскими караулами и лазутчиками, и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, не имѣли никакой возможности къ исполненію своего намѣренія.

(9) Полевые команды состояли изъ 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были Губернскими баталіонами.

(10) Уметъ, постоянный дворъ.

(*) См. Полн. Собр. Росс. Зак. Т. XXIII, № 16,937.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ВТОРОЙ.

(1) Пугачевъ, на хуторѣ Шелудякова, косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевички его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

(2) Малыковскихъ Управительскихъ дѣлъ Земскій Тронимъ Герасимовъ, и Мечетной слободы Смотритель Федотъ Фаддеевъ, и Сотникъ Сергій Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семень Филипповъ былъ въ Яицкѣ за покупкою хлѣба, а хлѣвъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на *рѣку Лобу*, къ Турецкому Султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ итъ Паша де дастъ имъ до 5 милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ Командантскую Канцелярію, но онъ-де скрылся, и находится вѣроятно въ селѣ Малыковкѣ.

Въ слѣдствіе сего вышедшій изъ-за Польской границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту паспортномъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу, раскольникъ Емельянъ Ивановъ, былъ найденъ и приведенъ ко Управительскимъ дѣламъ Выборнымъ Митрофаномъ Федоровымъ, и Филаретова раскольникяго скита ивокомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы

Степаномъ Васильевымъ съ товарищи,—оказался *подозрителемъ, битъ кнутомъ*; а въ допросѣ показалъ: что онъ Зимовейской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказанъ выпешшимъ изъ Польши; и въ Августѣ мѣсяцѣ, высиживъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришедъ въ Яицкѣ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ Султану, и встрѣчѣ Пашею и 5 мил. не говоривалъ,—а имѣлъ-де онъ намѣреніе въ *Симбирскую Провинціальную Канцелярію* явиться, для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Ир-гизѣ. По резолюціи Дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками Малыковскими, а сообщено сіе въ Коменд. Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 Декабря 1772. (*Промеморія отъ Дворцовыхъ Малыковскихъ дѣлъ въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, Декабря 18, 1772 года, подавша Смотрителемъ Иваномъ Разторгуевымъ.*)

Крестьянинъ Семень Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его Филипова, яко доносителя въ Мамыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. (*См. Сентенцію 10 Января 1775 года.*)

(3) „Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тамъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ касавшихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетями и послать, такъ какъ бродя-

гу и привыкшаго къ праздной и продержкой жизни, въ городъ Пельшь, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 Мая 1773.“
(Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова.)

(4) Фортъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

(5) Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

(6) Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались Киргизцы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка, а въ 101 отъ Оренбурга.

(7) Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ (уѣздъ) Оренбургскій, и Яицкой городокъ со всѣми форпостами и станицами, до самаго Гурьева, также и Бугульминская Земская Контора. Исетская провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію, и уѣзды Исетской, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція—уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами Провинціальныхъ Воеводъ. (См. Бишкнега и Рыкова.)

(8) Ставропольская Канцелярія вѣдала дѣла крещенныхъ Калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской Губерніи.

(9) Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика — Память Капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

Изъ крѣпости изъ Зерной,
 На подмогу Разсыпной,
 Вышелъ Баштанъ Сурина
 Со командою одинъ, и проч.

(10) Неизвѣстный Авторъ краткой исторической записки: *Histoire de la revolte de Pougatschef*, рассказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit epousé depuis quelques semaines, la fille du Colonel Ielagin, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au desespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme verse un torrent de larmes, embrassa de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. Авторъ находить тутъ невѣроятности и пускается въ разсужденія. — Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовня; но вообще вся записка замѣчательна, и вѣроятно, составлена дипломатическимъ Агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

(11) Крепость Татищева, при устьѣ рѣки Камышь-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи и названа отъ него Камышь-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: *Таткищева пристань*. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

(12) Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

(13) Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 в. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

(14) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова отъ 6 Октября 1773 года. (*Изъ Оренбургскаго Архива.*)

(15) Повѣшены два курьера, вѣзшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капраль, толмачъ— Татаринъ, старый саловникъ. нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій Государя Петра III, да приказчикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ТРЕТЬЕЙ.

(1) См. Приложенія, I.

(2) Журналъ осады, веденный въ Губернаторской Канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи Академика Рычкова. Читатель найдетъ ее въ Приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ Гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.

(3) Билловъ выступилъ изъ Оренбурга 24 Сентября. Въ этотъ день Губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

(4) Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участь его неизвѣстна. Его допрашивалъ Подполковникъ В. Могутовъ.

(5) См. Приложенія, III.

(6) Въ донесеніи Малыковской Земской Конторы сказано о Пугачевѣ: *оказался подозрителенъ, бить кнутомъ*. См. въ Примѣчаніяхъ на II главу примѣчаніе 2.

(7) Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣщенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: „А „нынѣ вы называете его (Самозванца) Довскимъ казакомъ Емель- „яномъ Пугачевымъ и яко бы у него поздра рванья и клей- „меной. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не „имѣется.“

(8) По совѣту одного изъ чиновниковъ (говорить Рычковъ).

(9) Мѣновъй дворъ, на которомъ съ Азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водоопынное. Въ немъ находится пограничная Таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построенъ особый дворъ для Азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полновѣчныхъ денегъ взималось 4,854 рубля. Мѣновъй дворъ укрѣпленъ батареями. (*Топографія Оренбургской Губерніи.*)

(10) Der kläglichsie Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich Ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann, würde mir nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 (*) Rebellen macht ganz Orenburg zittern — — — Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Commando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefangen etc. (*Письмо Рейксдорпа къ Гр. Чернышеву отъ 9 Октября 1773.*)

(11) Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухъ-сотъ. Жалованыхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего Атамана и особыхъ Старшинъ.

(12) Въ городѣ убито 7 человекъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

(*) Рейксдорпъ въ семъ числѣ не считаетъ Башкирцевъ.

(13) Въ другойъ разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ во время бури сбился съ дороги и выхалъ въ Оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки Правительства.

(14) Слышаю мною отъ самаго Дмитрія Давыдовича Пылова, донынѣ здравствующаго въ Уральскѣ.

(15) Кажется Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу—Москвою, деревню Каргале—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Киевомъ.

(16) Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ Графу Чернышеву отъ 11 Ноября 1773.

(17) Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смѣлѣнному. Твердышевъ нажилъ себѣ огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наследниковъ суть дѣньми одна изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

(18) Деревня Юзева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

(19) То есть, Депутаты въ Комисіи Составленія Новаго Уложенія. Депутатовъ было 852 человека. Имъ розданы были, для ношенія въ петлицѣ, на золотой цѣпочкѣ золотыя овальныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: *Блаженство каждаго и естъ*; а внизу: *1766 годъ, Декабря 14 день*.

(20) Изъ сего Калмыцкаго Полковника сдѣлали Капитана Калмыкова.

(21) При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый вахздникъ принялъ Оренбургскихъ казаковъ за своихъ, и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ; Пугачевъ, нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцемъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подъѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три челоѵка подъѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его (Пугачева), и обѣщали за то 500 рублей награжденія. Они отѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ, и умеръ дней черезъ пять.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

(1) У Деклонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верюванской до Орской. Деклонгъ нигѣ не сосредоточилъ, боясь оставить лишней крѣпости безъ обороны.

(2) Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находилась Командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-вѣствующихъ ордъ.

(3) Корень, послѣ сраженія 14 Ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга, и съ обѣщаніемъ выдти къ нему на-встрѣчу. Пугачевъ осторожно подѣлжалъ къ Оренбургу, и усомнившись въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

(4) Рейнсдоригъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полевнику но весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: *Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему теломъ, саманку оку, Емелькѣ Пугачеву.* Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога. „Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщаніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою невѣщаника, благодаримъ. Да и

сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божию не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ: извѣстно (да и по всему, тебѣ, бестія, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго щастія, однако щастіе ваше служить одному твоему отцу, сатанѣ. Разумнѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ кашканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станеть петель, а мы у Мордавина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ (возьмемъ), да на тебя веревку свить можемъ; не сумѣвайся, мошенникъ, изъ б. . . сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, остави свое невредіе, придти къ нашему чадолубивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ *измѣненіяхъ* всемилостивѣйше прощаеть, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишить; а здѣсь не безызвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объявля вамъ сіе, да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года.“

(5) Я не имѣлъ случая читать эту Рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу.

„Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Непобѣдная Императрица!

„Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода Казанскаго Дворянства еиміамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ васъ восторга въ душу свою, чье бы не возыграло сердце о толкомъ благополучіи своемъ? Облуста насъ въ скорби нашей

и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъяснилъ усердіе свое Отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даяніемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна намъ жертва предъ Тобою; се счастье наше, се восхищеніе душъ нашихъ!

„Но Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоутробія Своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя; осіявая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ человеколюбіемъ милуете; а потому конечно и послѣднее даяніе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, Ваше Императорское Величество, толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

„Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ, Ваше Императорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Чтожъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кромѣ особенныя, и заслугу превъщающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молить? Кромѣ неописанныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особенной, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Печаль предковъ нашихъ вопіеть къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины, могло возникнуть зло сіе; кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Чтожъ мы медлимъ? Чего давно недоставало намъ, дабы совокупно поставить грудь

свою противу хищника? Если душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чегожь недоставало? не усердія ли вашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе ваше готово на пожертвованіе, кровь ваша на измѣненіе, души наши на положеніе; умремъ, — кто не имѣеть мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

„Но сколь ни великъ восторгъ должности вашей, сколь ни жарко рвеніе сердець нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, еслибъ Ваше Императорское Величество не ускорило войсками своими въ защитеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превосходительства Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сию пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежели бъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ приѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носившагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблющіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовременіи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее провидѣніе; на сей случай здѣсь надобенъ Министръ, вождь, судья, чтитель святыхъ Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердець нашихъ, любомудрой душѣ Твоей воспісуемъ благодареніе.

„Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашему Императорскому Величеству крайнія чувства искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадилью сердецъ нашихъ за благоволенія Твои; уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ Тебя радости новаго намъ Твоего великодушія и снисхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, снисходишь и именуешься нашею *Казанскою Помѣщицею!* о радости для насъ неизглагоманной, о счастья для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се преславное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ. Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему поставленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты болѣе, тѣмъ Ты величественнѣе.

„И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ призванія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего; однако Высочайшую волю Твою разверстыиъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучіемъ, начертаваемъ неопѣвныя слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя, надѣемся.

„Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовь къ намъ, за сія Твои несказанныя

намъ благодѣянія? Наполняемъ сердца наши токмо вѣщимъ воспламененіемъ искоренитъ изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ Онъ намъ въ томъ свою помощь, а Вашему Императорскому Величеству, истинной Матери Отечества, съ любезнымъ Вашего Императорскаго Величества Сыномъ, съ сею безцѣнною надеждою нашею и съ дражайшею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, многія лѣта благоденствія.“

(6) Монахиня Евпракія Кирилловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

(7) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву отъ 24 Января 1774 года.—5 Января того же года писалъ онъ къ Философову: „Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями разѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ, и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ устрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ на встрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно судя и о моемъ по тому положеніи. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки, и только что рапорты страшныя присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниваться,

все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ, обратитъ все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу, и проч.

(8) Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

(9) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву.

(10) Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе Государства на губерніи и провинціи.

(11) Въ 1774 году уведено въ плѣнъ Киргизцами до 1380 человекъ.

(12) См. въ Запискахъ Храповицкаго (въ 1791 году) весьма любопытный разговоръ Государыни о Густавѣ III.

(13) См. Переписку Вольтера съ Императрицею.

(14) Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ Военную Коллегію.

Описаніе известному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и прилѣтъ, узниченное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

1. Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2. Отецъ его родной, былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками, (*) еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донывѣ не вырастаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отгнанный, величиною съ двукопѣчникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатныя; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была клиномъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божию ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ приобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Фелора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ 10, и съ которыми и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армию, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значить, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домъ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ;—а послѣ сего

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него проис-

(*) Техническій терминъ у кулачныхъ бойцевъ, значить ударъ по челюстямъ.

ходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8. 773 Года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнаго образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но тогожь самаго часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повели къ станичному Атаману, а онъ-де отправить въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомянуть, а оттуда въ Черкасской; но не довеза однакожь до онаго, въ Цыплянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаетъ.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ армій, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтми сознанія и участія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й армій), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Федоромъ Григорьевымъ, по прозванію Брыкалиннымъ, а вторая Федосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Прусакъ Симономъ Никитиннымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казачьему, а иностраннаго языка никакого не зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгъ мужа (что дивнаго пропитаніи съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Времъ Евѣеву на сломъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою пакн въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ нхъ, состоящій также не-подалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ, Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнить, потому что ова послѣ него осталась въ малолѣтствѣ, и послѣ жъ котораго остались и теперь живы находятся, дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитріева, въ замужествѣ Есауловской станицы за казакомъ Омою Андреевымъ, по прозванію Пялюгнымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ 8-й годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василса Дмитріева, въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Федоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности. —

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ отставнаго казака Трошима Омнина:

„ Въ 1771 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкасскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяць возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ:

на станционномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости коннаго казачкаго полку у казака Василія Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его изъять письменный видъ отъ ротнаго Командира. Пугачевъ и повѣялъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейскою станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казачкомъ полку, явился у насъ, и на станционномъ сборѣ показавъ, что онъ съ женою и Василіемъ Кусачкинымъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣгали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. По чему и отправилъ я при станционномъ рапортѣ въ Черкасскъ Прусака съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ, и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ былъ я его, какъ празднопатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей, Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичною избы изъ-подъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показавъ на станционномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкасскъ. Когда его провели, увиди по подорожной, что посланъ онъ былъ въ колодку, которой на немъ уже не было, приказавъ я ему набить другую, и отославъ его въ верхнюю Курморскую станицу, отъ которой въ принятіи оваго Пугачева росписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.“

За неумѣніемъ грамотъ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ.

(15) Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сѣ пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ, и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

(16) Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; не смотря на то, Исторія Пугачевского возмущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ, но сочинитель довель евой рассказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: *Михельсонъ въ Казани*, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо Архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ приобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ въ своемъ Историческомъ и Статистическомъ обзорѣн Уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія Екатерины мало еще извѣстенъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ПЯТОЙ.

(1) Крещенные Калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на Оренбургскихъ и Ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его Оренбургской Топографіи) подробное о нихъ извѣстіе.

(2) Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастье освободить около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ отъ Киргизовъ. Державинъ написалъ свои Записки, къ сожалѣнію, еще неизданныя.

(3) Бунтовавшіе Башкиры жестоко усмирены были Генералъ-Лейтенантомъ Княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Сила, счастливымъ, ибо все ему удавалось.

(4) См. въ Приложеніи письмо Библикова къ «онъ-Визину». Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами, доставлено было, родственниками и наследниками «онъ-Визина, Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей Автора Недоросля. Надѣемся въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ сочиненіе.

(5) Малолѣтокъ, недостигшій 14-ти-лѣтняго возраста.

(6) Илецкая Защита находится отъ Оренбурга въ 62 верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная Илецкая соль. „Добываніе оной соли, пи-

иетъ Рычковъ: „уже издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ Башкирцевъ, а потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилось, но о построеніи сей крѣпости опредѣленіе учинено уже въ прошломъ 1753 году Октября 26 числа, по состоявшемуся въ Правительствующемъ Сенатѣ того жъ 1753 года Мая 24 числа указу, коимъ въ Оренбургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ учредить казенныя соляныя магазины, и продажу Илецкой и Эбелейской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ по 35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное Правленіе въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогда подрядчикъ, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Алексѣй Углицкой, объявляя той соли заготовлять и ставить въ Оренбургской магазинъ четыре года, на каждой годъ по пятидесяти тысячъ пудъ, а буде понадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пудъ, своимъ коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 годъ лѣтомъ построить тамъ своимъ же коштомъ, по указанію отъ Инженерной команды, небольшую заштиту оплотомъ съ батареями для пушекъ, тутъ же сдѣлать нѣсколько шкостей и казармъ для гарнизону, и провіантской магазинъ, и на всѣ жилие покинъ въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а провіантъ, сколько бы тамъ войсковой команды ни случилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ подводяхъ, что все и учинено, и гарнизономъ опредѣлена туда изъ Алексѣевского пѣхотнаго полка одна рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаямъ и болѣе военныхъ людей командируемо бываетъ, для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добываніи той соли людей (коихъ человекъ ста по два и болѣе бываетъ) имѣется тамъ церковь и Священникъ съ церковными служителями.—(Топографія Оренбургская).

(7) Топкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сорочи, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кирилловѣ, въ 1756 году.

—Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Токкой.

(8) Крѣпость Новосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при Тайномъ Совѣтникѣ Татищевѣ, подъ именемъ *Тевкелева Брода*, и переименована при Пеплюевѣ въ Новосергіевскую.

(9) Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховья рѣки Самары.

(10) Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatttscheva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étoient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venoit de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. — (*Histoire de la révolte de Pougatschef.*)

(11) Бибиковъ въ письмѣ отъ 26 Марта:

„Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ; убито 12 офицеровъ, ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Кошелевъ (*) тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голлицынъ и пишетъ, что не опасно.“

(*) Р. А. Кошелевъ, въ послѣдствіи Оберъ-Гонимейстеръ.

(12) Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали за-одно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.

(13) Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не билъ монету съ изображеніемъ Государя Петра III, и съ надписью *Redivivus et ultor* (какъ увѣряютъ иностранные писатели). Безграмотные и полу-грамотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя, Латинскія надписи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

(14) *La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poudre de farine coutoit déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. — (Письмо Рейнсдорна къ Кн. Голицыну, отъ 24 Марта 1774.)*

(15) Слобода Сентовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая въ сей Исторіи, находится въ 20 верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени Казанскаго Татарина Сента-Хаялина, перваго, явившагося въ Оренбургскую Канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Въ Сентовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

(16) По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богдаевскомъ медиплавильномъ заводѣ.

Приказчикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой жентѣ, подавшей советъ напоить бѣглецовъ.

(17) Въ Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плавущіе трупы и приговаривая: „Не ты-ли, мое дѣтище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“ И вида лице незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

(18) Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи (*Оборона Яикской крѣпости отъ партизанъ матежниковъ*), напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достовѣрности въ официальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носить драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной.

(19) Слова сія сохранены Державиннымъ въ Одѣ его на смерть Бибикова. — Последняя строка должна была быть вырѣзана на его гробъ:

Онъ былъ искусный вождь во бранн,
 Советъ мужъ, любитель Музъ,
 Отечества подпора тверда,
 Блюститель Вѣры, правды другъ;
 Екатериной чтимъ за службу,
 За адранный умъ, за добродѣтель,
 За искренности души его.
 Онъ умеръ, тронъ обороняя:
 Стой, путникъ! стой благоговѣнно.
 Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

(20) Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ее мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

(21) Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намерѣнъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

„Посвятить краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу Отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ вспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

„Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго Государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предъусмотрѣніе, предприимчивость и расторопность, такъ, что онъ во всѣхъ родахъ валагасмыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій Генераль, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проникательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неколебимъ; любилъ Словесность, и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ азыгъ;

зналъ Нѣмецкій и Французскій языкъ, и не за долго предъ смертію выучилъ и Англійскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и высній чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ Престола и къ спасенію Отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи, тогда пресѣкшуюся.“

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ШЕСТОЙ.

(1) См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

(2) Histoire de la révolte de Pougatschef.

(3) Троицко-Саткинскій заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

(4) Зеляирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта (передъ Пугачевскимъ).

(5) Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ говоритъ, что Князь Щербатовъ, Князь Голицынъ и Брантъ перессорились, другъ къ другу не пошли въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ, и разстроили начало побѣды.

ПРИМЪЧАНІЯ

къ Главѣ Седьмой.

(1) Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ ворвался въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдствіе доказало, что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣдніе бросили оружіе, и уступили превосходной силѣ.

(2) Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ изъ мятежниковъ (Аристовымъ), и нѣсколько времени находился въ вѣзлостности. Императрица, убѣдясь въ его невинности, вознаградила его саномъ Митрополитскимъ, и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Пресвященнѣйшій Митрополитъ,

Веніаминъ Казанскій!

„По приѣздѣ Моємъ, первымъ попеченіемъ было для Меня, разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Пресвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу сямъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по нещастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а Я съ отнѣннымъ доброжелательствомъ есмь

ЕКАТЕРИНА.“

Отгвѣтъ Великаго Митрополита Казанскаго.

„Вселилостивѣйшая Государыня!

„Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ оказавши удивить предъ Цѣлымъ Свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Божь въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему Престолу. и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; я продолжала она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и человечества исторгнуть покушались. Неодвиннымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрывъ, и отъяся клоношеніе мое, поношеніе мое въ челоуцѣхъ. Чтожъ воздаянъ Тебѣ, правосудившая въ Свѣтъ Монархия, только попечительному о спасеніи моемъ Господевъ? Истощеніе всей дарованной мнѣ Вашихъ Высоко-Монаршихъ великодушнѣмъ жизни въ возблагодареніе не довѣдетъ; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молитъ не престану день и ночь, да охранитъ дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моеи до позднѣйшихъ челоуцѣхъ возможныхъ лѣтъ; да испомощетъ съ высоты святыхъ своихъ на вѣщевосную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ преводельнаго здравія Вашего недуги, отъ неуспыныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, Держава и Престоль Вашъ яко днѣ неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудетъ, емь

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ,

смиренный Великий, Митрополитъ Казанскій.“

(3) Генералъ-Маіоръ Неведъ Никитичъ Кудрявцевъ, сынъ Никиты Алѣрьевича, пользовавшагося довѣренностію Петра Великаго, въ чинѣ Поручика гвардіи Преображенскаго полка, участвовалъ въ первомъ Персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу Турковъ и Татаръ, а при Императрицѣ Елисаветѣ противу Пруссѣковъ; вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екатерины II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ. (*Извлечено изъ немѣдавнаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бактыма-Каменскимъ.*)

(4) Такъ говоритъ Авторъ Исторической Записки, *Histoire de la révolte de Pougatschef*; въ официальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достоверно однакожъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 Августа 1774 года.

(5) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Генералъ отъ кавалеріи и Главнокомандующій Молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началѣ славной службы своей, Князь Варшавскій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранялъ юношескую живость, любилъ воинскія опасности, и еще посѣщалъ передовыя перестрѣлки.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ОСЬМОЙ.

(1) Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный дерзкимъ покушеніемъ на особу Короля Станислава Понятовскаго; меньшей съ 1772 года находился въ плѣну, и жилъ въ домѣ Губернатора, которымъ былъ онъ принятъ, какъ родной.

(2) Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, Доктора и Профессора Медицины при Казанскомъ Университетѣ, челоѵка столь же ученаго, какъ и любезнаго и свѣскодительнаго. Ему обязаны я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

(3) Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ общалъ онъ утронть, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя 5 лѣтъ.

(4) За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношенія Перфильева съ Правительствомъ (обстоятельство вовсе неизвѣстное) обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку Капитана гвардіи, на коего Правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.

(5) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Генералъ-Аншефъ, орденъ Св. Андрея и Св. Георгія первой степени кавалеръ, и проч., сынъ Генералъ - Поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началъ службу свою подъ начальствомъ Фельдмаршала

Грѣса Минина; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семи-лѣтней войны служилъ Генераль-Маіоромъ, и былъ главнымъ виновникомъ успѣха Франшуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ Сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ Второй арміи. 1770 взятъ имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ удѣленія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

(6) См. Приложенія, II.

(7) Памятія казаконъ, Фомина и Лешелова. Они извѣстны именемъ гвардейскаго офицера, съ ними отраженнаго къ Петроу; по Бошняку въ словеса доиссѣнія вступилъ Деркашинъ.

(8) Въ то время изданъ былъ списокъ (еще не весьма полный) жертвамъ Пугачева и его товарищамъ; помѣщаясь его здѣсь:

Описаніе, собранное поименно изъ свѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ и его злодѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ показаніемъ, кто именно и въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городъ Казани:

Ворвавшись они въ городъ, и входя во храмы Божіи въ шпалкахъ, съ оружіемъ, грабили и выгоняли укрывающихся тамъ людей;

А именно:

Въ Казанскомъ Богородицкомъ Соборѣ,
— Владимірскомъ Соборѣ,

Въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ,
 — церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольскаго,
 — церкви Николая Чудотворца, именуемаго Низкаго,
 — церкви Живоначальной Троицы,
 — церкви Воскресенія Христова,
 — церкви Варлаамія Хутынскаго,
 — церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія,
 — церкви Вознесенія Господня,
 — церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы,
 — церкви четырехъ Евангелистовъ,
 — церкви Алексѣя человека Божія,
 — Троицкомъ Федоровскомъ монастырѣ,
 — церкви Рождества Пресвятыя Богородицы,
 — Петропавловскомъ Соборѣ, не могли отбить дверей, стрѣ-
 лали съ паперти въ окошки;

Въ городѣ Цивильскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы.

Въ Чебоксарскомъ уездѣ, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Срѣтенскомъ,
 — селѣ Богоявленскомъ,
 — селѣ Успенскомъ,
 — селѣ Введенскомъ.

Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали, но и свя-
 тыхъ иконъ колоди и утварь церковную раздирали.

То же самое дѣлали Пензенской провинціи:

Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы,
 — селѣ Чардымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губернии, въ Арзамасскомъ уездѣ:

Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

Алатырскаго уезда:

Въ селѣ Сутяжномъ, въ приходской церкви,

Въ селѣ Семеновскомъ, въ приходской церкви,
— городѣ Курмышѣ, въ соборной церкви Николаевской и
Троицкой.

Курмышскаго уезда, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Шуматовѣ,
— селѣ Шумшевинахъ,
— селѣ Большихъ Тувангахъ,
— селѣ Алменевѣ,
— селѣ Усѣ.

Воронежской губерніи, въ Нижнемъ Ломовѣ:

Въ Богородскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Оренбургской губерніи:

Въ Оренбургскомъ предмѣстіи, въ церкви Георгіевской,
На Мѣновомъ Дворѣ, въ церкви Захарія и Елисаветы, святые
иконы вынуты изъ мѣстъ своихъ и повержены на землю, и нѣ-
которые расколоты.

Въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ, въ церкви Святаго
Іоанна Предтечи тожъ учинено.

Въ Сакмарскомъ городкѣ,
— Татищевой крѣпости,
— Разыпной крѣпости,
— Сорочинской крѣпости,
— Тацкой крѣпости,
— Магнитной крѣпости,
— Карагайской,

Въ приходскихъ сихъ
крѣпостей церквахъ, вхо-
дя злодѣи, оклады съ
иконъ и всю утварь цер-
ковную грабили.

Бугульминскаго вѣдомства, въ селѣ Спаскомъ, въ приходскую
церковь вѣзжали на лошадахъ, и грабили церковную утварь.

Въ селѣ Борисоглѣбскомъ, и въ Канжинской слободѣ, въ при-
ходскихъ церквахъ тожъ дѣлали.

Пермской провинціи:

Въ разныхъ церквахъ дѣлали грабежи, а въ нѣкоторыхъ и въ Царскія двери входили, какъ то:

На Юговскомъ Осокина заводѣ,
 Въ селѣ Крестовоздвиженскомъ,
 — селѣ Дубенскомъ,
 На Ижевскомъ казенномъ заводѣ,
 Въ селѣ Березовкѣ,
 — селѣ Троицкомъ, Олшина тожъ,
 Осинскаго уѣзда, въ селѣ Крыловѣ,
 На Юго-Камскомъ заводѣ,
 Въ селѣ Николаевскомъ,
 — Троицкой крѣпости.

Да сожжены церкви:

На Саткинскомъ заводѣ,
 Въ пригородѣ Осѣ,
 На Петропавловскомъ и Воткинскомъ заводахъ,
 Въ Икосовѣ винокуренномъ заводѣ,
 — Златоустовскомъ и Сатковскомъ заводахъ,
 — Авзяно-Петровскомъ заводѣ.

Сверхъ того, по Оренбургской линіи злодѣи, шедъ даже до Троицкой крѣпости, церкви Божіи сожигали, и образа находили послѣ разбросаны, а нѣмы и расколоты.

Въ городѣ Казани увиты до смерти:

Генераль-Маіоръ Неседа Кудрявцовъ,
 Полковникъ Иванъ Родіоновъ,
 Сынъ его, Артиллеріи отставный Капитанъ Александръ Родіоновъ,
 Коллежскій Совѣтникъ Казимиръ Гурскій,
 Коллежскіе Ассесоры:
 Петръ Брюховской, Федоръ Поповъ съ женою,

Премьеръ-Маіоръ Давыдъ Хвостовъ,
Капитаны: Василій Онучинъ, Лука Еѣнмовъ,
Поручикъ Александръ Масловъ.

Подпоручики:

Иванъ Богдановъ,
Иванъ Носовъ,
Гаврила Нармоцкой.

Прапорщики:

Павелъ Лелинъ,
Андрей Герздоръ,
Алексій Тарбеевъ.

Коммисары:

Лука Еѣнмовъ,
Иванъ Пономаревъ,
Лекарскій ученикъ Иванъ Михайловъ.

При Гимназіи Информаторы:

Нѣмецкаго класса: Ааронъ Тигъ,
Рисовальнаго: Иванъ Кавелинъ,
Ученикъ Иванъ Петровъ,
Часовой мастеръ Шильдъ,
Отставный Секретарь Александръ Голдобинъ.

Регистраторы:

Иванъ Вороховъ,
Григорій Овсянниковъ.

Канцелярскіи:

Иванъ Карповъ,
Александръ Акишевъ,
Герасимъ Андрониковъ,
Подканцеляристъ Степанъ Поповъ.

Экономическіе крестьяне:

Иванъ Даниловъ,
Иванъ Прокофьевъ,
Иванъ Кондратьевъ.

КАЗАНСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКИ МАСТЕРОВЫЕ И
РАБОТНИКИ:

Степанъ Шумихинъ,
Давыдъ Понамаревъ,
Яковъ Герасимовъ,
Кондратій Петровъ,
Петръ Самойловъ.

ДА СГОРЕЛИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ МАГИСТРАТѢ:

Ратманъ Аеванасій Шапошниковъ,
Копиистъ Федоръ Копыловъ.

ВЪ СВЯЖСКОМЪ УѢЗДѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Инвалидной команды полковой обозной Палкинъ,
Копиистъ Федоровъ.

ВЪ ЦЫВИЛЬСКЪ УБИТЫ ДО СМЕРТИ ВЪ ГОРОДАХЪ:

Воевода, Коллежскій Ассесоръ Петръ Копьевъ,
Штатной команды Праворщикъ Алексѣй Абаринковъ,
Секретарь Поповъ и его жена Татьяна Степанова,
Дворовыхъ людей мужскаго пола шесть, женскаго два,
Канцеляристъ одинъ,
Купецъ одинъ.

Въ уездѣ:

Священниковъ четыре,
Дьячекъ одинъ,
Понамаръ одинъ,
Матросовъ три,
Новокрещенныхъ два.

Въ Чебоксарскомъ уездѣ убиты до смерти:

Чебоксарской морской инвалидной команды:

Капитанъ съ сыномъ,

Прапорщикъ два,

Подпрапорщикъ одинъ,

Штатной команды солдатъ одинъ,

Прапорщикъ Иванъ Тихомировъ съ женою его,

Экономическаго Правленія копистъ одинъ,

Престарѣлыхъ матросовъ четыре, да молодой одинъ,

Священниковъ двѣнадцать,

Дьяконовъ пять,

Дьячковъ два,

Купецъ одинъ.

Въ Царевкокшайскомъ уездѣ убиты до смерти:

Свияжской провинціи отставной канцеляристъ Андрей Дмитріевъ,

Священникъ одинъ,

Полковой обозной одинъ,

Подьячій одинъ,

Малолѣтныи одинъ.

Въ городѣ Пензѣ убиты до смерти:

Воевода Андрей Всеволожскій,

Товарищъ Петръ Гуляевъ.

Подпоручики:

Михайла Суровцовъ,

Федоръ Слѣпцовъ.

Секретари:

Степанъ Дудкинъ, жена его, да сынъ, Подпоручикъ Игнатій Дудкинъ,

Сергій Григорьевъ, съ женою, съ сыномъ и съ двумя дочерьми.

Приказные служители:

Андрей Петровъ,
Гаврила Елисеевской,
Федоръ Иконниковъ,
Василій Тереховъ съ женою,
Иванъ Дмитриевъ,
Семень Тереховъ,
Иванъ Аврамовъ.

Въ уздѣ:

Генералъ-Маюръ Алексій Пахомовъ, съ женою,
Секундъ-Маюръ Иванъ Веревкинъ, съ женою,
Поручикъ Флоръ Слѣпцовъ,
Капитаны: Алексій Тутаевъ, Гаврила Юматовъ,
Помѣщикъ Скуратовъ,
Маюрша Дарья Селивачева,
Поручикъ Петръ Ивановъ, Подпоручикъ Борисъ Яковлевъ и
дѣти Романовы,
Сержантъ Петръ Неклюдовъ, съ женою и съ сыномъ,
Секундъ-Маюръ Иванъ Стяжкинъ, жена его Татьяна Степа-
нова,
Маюрша Федосья Назарьева, съ сестрою Марьею Даниловою,
съ двумя дочерьми, съ племянницею Федосьею Шемяковою,
Поручикъ Иванъ Пилюгинъ, съ женою и съ дочерью двѣн-
цею Ольгою,
Отставной драгунъ Князь Михайла Звенигородской,
Квартирмейстеръ Ермолай Стяжкинъ, съ женою и съ сыномъ
Иваномъ,
Маюръ Егоръ Мартыновъ, съ женою Акимьею Яковлевою,
съ сыномъ Сергѣемъ и съ женою его,
Полковникъ Никифоръ Хомиковъ,
Маюръ Иванъ Стяжкинъ, жена его Татьяна Степанова,

Поручикъ Степанъ Башневъ,
 Прапорщикъ Евдокимъ Степановъ,
 Прапорщика Александра Стромиллова дѣти, сыновья: Михайла,
 Николай, дочь Авдотья, да братъ родной Сергѣй,
 Прапорщикъ Фаддей Зеленской съ женою,
 Прапорщикъ Сергѣй Грязевъ съ женою,
 Вдова Маіорша Анисья Безобразова,
 Капитанша Елена Романова,
 Капитанъ Григорій Раковъ,
 Маіоръ Василій Кологривовъ съ женою,
 Прапорщикъ Козма Баршевъ,
 Маіора Михайла Мартынова дѣти: Николай, Савва,
 Надворная Совѣтница Грабова,
 Помѣщица Анна Рѣшева,
 Регистраторъ Алексѣй Дертевъ,
 Прапорщикъ Кадышевъ,
 Надворная Совѣтница Прасковья Еремеева съ сыномъ,
 Помѣщица Дарья Халабурдина,
 Поручикъ Иванъ Лукинъ,
 Поручика Князя Павла Борятинскаго жена Прасковья Гаври-
 лова съ малолѣтною дочерью,
 Прапорщикъ Андрей изъ дворянъ, да одновверецъ Михайла
 Слѣцовъ,
 Секретарь Сергѣй Свирчковъ, съ женою его Настасьею Ива-
 новою,
 Вauxистръ Яковъ Жижкинъ, съ дочерью его, дѣшкою Мариною,
 Прапорщикъ Николай Агафонниковъ, съ женою и съ матерью,
 Секундъ-Маіоръ Левъ Дубенской, съ женою,
 Подполчій изъ дворянъ Василій Агафонниковъ, съ женою,
 Капитанша Марья Кирьской дочь, дѣшца Анна,
 Маіоръ Иванъ Веревкинъ, съ женою,
 Сержантъ Тимофей Анкостьевъ,

Поручикъ Максимъ Дмитріевъ,
 Капитанъ Михайла Кирѣевъ, съ дочерью,
 Поручикъ Аларей Панкѣевъ,
 Капитанъ Иванъ Дмитріевъ,
 Прапорщикъ Иванъ Тутаевъ,
 Поручикъ Егоръ Маревъ, съ женою Анною Петровою,
 Графъ Гаврила Головинъ,
 Маіорша Елена Варьпаева,
 Подпоручикъ Александръ Гладковъ,
 Дворянская жена Праскомя Проскуровская,
 Архитекторъ, Смоленскій шляхтичъ Федоръ Яковлевъ,
 Поручикъ Жмаинъ,
 Капитанъ Иванъ Именниковъ,
 Вдова Елена Юрасова,
 Дворянская жена Наталья Бекетова,
 Вдова Пелагѣя Шахматова и дочь ея, дѣвица,
 Одиодворецъ Иванъ Юрасовъ.

Прапорщики:

Иванъ Буланинъ,
 Иванъ Нетесевъ,
 Степанъ Романовъ;
 Подпоручикъ Левъ Ергаковъ, съ женою,
 Капитанъ Алексѣй Козловъ,
 Секундъ-Маіоръ Ивашевъ,
 Подпоручикъ Николай, да Гвардіи капралъ Василій Киселевъ,
 Поручикъ Гаврила Алѣеревъ,
 Маіоръ Никита Костяевской, съ женою,
 Капитанъ Тутаевъ, съ женою,
 Подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья;
 сынонья: Алексѣй и Михайла, да своячина его, дѣвица Пелагѣя Квашнина,

Саранскій Воевода Василій Протасевъ, съ женою и съ сыномъ,

Поручикъ Федоръ Левинъ, съ женою и съ сыномъ Алексѣемъ,
Экономической Казначей, Секундъ-Маіоръ Федоръ Григоровъ
съ женою,

Маіорша Авдотья Возницына, съ дочерью,

Вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровскія,

Помѣщикъ Семень Литомгинъ, съ женою,

Поручикъ Иванъ, да Подпоручикъ Максимъ Тоузакowy,

Вдова Подполковница Марѳа Агарева,

Одновороческая жена Пелагья Метлина,

Маіоръ Григорій Зубаревъ, съ женою и съ дѣтьми, двумя
сыновьями, съ дочерью дѣвщицею,

Поручикъ Федоръ Бекетовъ, съ женою Марью Егоровою,

Маіорша Катерина Конабеева,

Дворянская жена Варвара Тургешева,

Княгиня Анна Мустафина,

Подпоручика Гаврилы Левина жена, съ дѣтьми, сыновьями:
Дмитріемъ, Николаемъ, да съ дочерью,

Гвардіи капральша Федосья Ермолаева, съ дочерью вдовою,
Прапорщицею Авдотьей Юрьевою,

Подпрапорщикъ Степанъ Пересъкинъ, съ женою, сыномъ
Гавриломъ, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьей;

Маіоръ Федоръ Кашкаровъ, жена его, съ дочерьми, малолѣт-
ными дѣтьми, и одна Француженка,

Протоколистъ Петръ Ивановъ, съ женою Татьяною Дмитріе-
вою и съ дѣтьми Премьеръ-Маіоромъ Семеномъ Ивановымъ, съ
женою Елисаветою Михайловою, и съ сыномъ Петромъ.

Недоросль Дмитрій Ивановъ,

Маіорша Лукерья Ивина, съ сыномъ Алексѣемъ, съ дочерью
Пелагьей,

Вахмистръ Михайла Брюховъ, съ женою,

Прокурорша Марѣа Агарева,
 Секундъ-Маюръ Николай Степановъ, съ женою,
 Дворянская жена Пелагѣя Ховрина,
 Поручикъ Алексѣй Зубецкѣй, съ женою,
 Помѣщица Авдотѣя Жедринская,
 Вахмистръ: Никита Никифоровъ,
 Помѣщикъ Никита Подгорновъ,
 Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ползамасовъ, съ сыномъ Сер-
 гѣемъ,
 Подпоручика Василья Золотарева жена,
 Камеръ-лакей Яковъ Выдринъ, съ женою,
 Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, съ женою Аграфеною Сер-
 гѣевою,
 Подпоручица Катерина Платцова,
 Прапорщица Анна Чушарова,
 Легкой полевой команды Подпоручикъ Иванъ Обуховъ,
 Вахмистръ Яковъ Жмакинъ, съ дочерью Мариною,
 Сержантъ Иванъ Кашкаровъ, съ зятемъ, Ассессоромъ Никитомъ
 Іевлевымъ, съ женою его Матрeною Михайловою и съ ихъ
 дочерью Марьею,
 Титулярный Совѣтникъ Иванъ Алферьевъ, съ женою,
 Однoдворческа́я жена Дарья Чарькова,
 Однoдворцы: Семенъ Федорчуковъ, Петръ Митюринъ,
 Легкой полевой команды солдатъ одинъ,
 Штатной команды два солдата,
 Вахмистръ Иванъ Сямоновъ,
 Однoдворцевъ четыре,
 Пахатныхъ солдатъ три,
 Четыре Священника, и одинъ изъ нихъ съ женою,
 Понамарь одинъ,
 Прапорщика Ивана Буланна приказчикъ,
 Капитана Ивана Осоргина приказчикъ,

Графа Гаврила Головкина приказчикъ,
 Вахмистра Якова Якушкина приказчикъ,
 Лейбъ-гвардія Капитана Князя Михайла Долгорукова при-
 казчикъ,

Полковника Петра Волковскаго приказчикъ,
 Капитана Николай Загоскина приказчикъ,
 Вдовы Анны Смагиной два старосты,
 Вдовы Пелагьи Грецовой приказчикъ, съ женою и дочерью,
 Княжны Марьи Долгоруковой приказчикъ, съ женою,
 Кадета Петра Загряжскаго приказчикъ,
 Капитана Василья Новикова приказчикъ,
 Подпоручика Николая Зыбина приказчикъ,
 Сержанта Сергѣя Мартынова дворовой человекъ,
 Бригадирши Аграфены Киселевой приказчикъ,
 Архитектора, Смоленскаго шляхтича Яковлева дворовыхъ два
 человекъ,

Поручика Сергѣя Тухачевскаго приказчикъ,
 Прапорщика Ивана Буланина дворовой человекъ,
 Прапорщика Аванасья Суморокова дворовой человекъ,
 Графа Андрея Шувалова староста одинъ, выборыхъ два,
 Статскаго Совѣтника Аванасья Зубова дворовой человекъ,
 Майора Нилы Акинѣева два приказчика и одинъ кучеръ,
 Коллежской Ассессорши Екатерины Бахметевой дворовой че-
 ловекъ,

Штыкъ-юнкера Аблязова управитель,
 Полковника Степана Ермолаева приказчикъ,
 Капитана Николая Владимірова дворовой человекъ,
 Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева приказчикъ,
 Секундъ-Майора Александра Соловцова дворовой человекъ,
 Инкоземецъ Иванъ Миллеръ,
 Архитектора Василья Баженова земской,
 Генеральши Екатерины Левашевой приказчикъ,

Сержантовъ Андрей и Ивана Лесныхъ приказчикъ, съ женою,

Дѣвицъ Анны и Марьи Языковыхъ приказчикова жена,

Новокрещенныхъ два,

Надворной Совѣтницы Прасковьи Ермолаевой крестьянинъ,

Коллежскаго Ассесора Петра Хлѣбникова крестьянинъ,

Капитана Василья Новикова крестьянинъ,

Подполковника Степана Ермолаева крестьянинъ одинъ, женки двѣ,

Статскаго Совѣтника Асаянся Зубова крестьянинъ,

Дѣвицы Ольги Назаревой крестьянинъ.

Въ Симбирскомъ уздѣ увиты до смерти:

Полковница, вдова Марья Теплова,

Помѣщица, вдова Домна Поспѣлова,

Сестра ея, Милитивскаго дворянина Якова Агнесова жена Ульяна Александрова,

Подпоручикъ Иванъ Манахтинъ,

Маіоръ Василій Аристовъ, съ дочерью дѣвицею,

Помѣщицы, вдовы Прасковьи и Анна, Петровы дочери, Насажены,

Симбирскаго баталіона Полковникъ и Командантъ Андрей Рычковъ,

Экономическій Казначей, Поручикъ Тишинъ, съ женою и два малолѣтнихъ сына,

Экономическій крестьянинъ Александръ Васильевъ,

Подполковникъ Василій Языковъ,

Маіоръ Александръ Родионовъ,

Подполковника Никиты Философова приказчикъ Василій Ерощевъ.

Подполковника Петра Зиминскаго приказчикъ Тимосей Михайловъ,

Фабриканта Воронцова «ормовальщикъ» Алексѣй Адріановъ,

ВЪ ГОРОДѢ ПЕТРОВСКѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Воеводской товарищъ, Секундъ - Маюръ Буткевичъ, теща его
Марья Иванова,

Секретарь Лука Яковлевъ, съ женою Марьею Михайловою и
съ сыномъ Петромъ,

Штатной команды барабанщикъ Иванъ Хомутильниковъ,

Пахатный солдатъ Игватій Ношкинъ,

Солдата Хрулева жена Авдотья Васильева.

Въ уздѣ:

Подполковница, вдова Ирина Никитина дочь Дурасова,
Капитана Николая Коптева сынъ, младенецъ Левъ,
Корнетъ Михайла Шильниковъ, съ женою Прасковьею Мака-
ровою, и малолѣтний сынъ Григорій,

Сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина,

Маюрша, вдова Анисья Безобразова,

Помѣщики: Николай да Василій Киселевы, приказчикъ ихъ
Аванасій Семеновъ,

Помѣщиковъ Григорія и Игнатія Киселевыхъ приказчикъ
Степанъ Матвѣевъ,

Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ,

Прапорщикъ Гаврила Власевъ,

Прапорщикъ Николай Чемодуровъ,

Подпоручикъ Федотъ Бекетовъ, съ женою Марьею,

Капитанъ-Поручика Федора Меиса жена Софья,

Поручика Николая Бахметева крестьянинъ Иванъ Ивановъ,

Пахатной солдатъ Феддей Скапинцовъ,

Малороссіянинъ Иванъ Озерской.

Въ Козмодемьянскомъ уздѣ убиты до смерти:

Священниковъ два,

Дьяконовъ два,

Дьячекъ одинъ,
Семинаристъ одинъ.

Въ Пермскомъ уездѣ увѣты до смерти:

Екатеринбургскаго вѣдомства:
Капитанъ Вонновъ,
Подпоручикъ Посоховъ,
Солдаты одинъ;
Юговскихъ заводовъ управитель, Шиктмейстеръ Яковлевъ,
Унтеръ-Шиктмейстеръ Бахманъ,
Князь Михайла Михайловича Голицына приказчикъ Михайла
Ключниковъ,
Подьячій Василій Клестовъ,
Питейной продажи цѣловальникъ одинъ,
Графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошкинскаго завода
Унтеръ-Шиктмейстеръ Мазановъ.

Селѣнники:

Василій Козминъ,
Аникій Борисовъ,
Родионъ Леонтьевъ;
Дьячекъ Иванъ Поповъ,
Дьячекъ Илья Петровъ,
Экономическихъ дѣлъ копистъ Петръ Курбатовъ,
Атаманъ Колесниковъ,
Отставной капралъ Лукіанъ Омельяновъ,
Юговскихъ заводовъ плавильщикъ Козма Орловъ.

Пушкарн:

Демида Сочинъ и Никифоръ Совинъ,
Экономической крестьянинъ Алимпій Кармановъ,
Крестьянинъ Гаврила Трегубовъ,
Князя Голицына крестьянъ четырнадцать человекъ,
Графа Строганова крестьянъ три человека.

Государственники:

Крестьянинъ Егоръ Зуевъ, и еще семь человекъ,
Сотникъ Яковъ и крестьянинъ Михайла Погова,
Крестьянинъ Софроновъ,
Ермолай Мѣдениковъ, Федоръ Бурковъ, Иванъ Осетровъ,
Крестьянинъ Ермаковъ, и еще два человека,
Крестьянская дѣвка.

Въ городѣ Ставрополѣ убиты до смерти:

Бригадиръ и Ставропольскій Комендантъ Иванъ Фомъ-Фегезакъ,
Воеводской Товарищъ, Надворный Совѣтникъ Сергѣй Милко-
вичъ,

Секретарь Семень Микляевъ.

Ставропольскаго баталіона Секундъ-Маіоры:

Павель Алашеевъ, Алексѣй Карачевъ, Никита Семеновъ.

Капитаны:

Григорій Калмыковъ, Петръ Лабузинъ.

Поручики:

Аванасій Семеновъ, Дмитрій Новокрещеновъ.

Прапорщики:

Яковъ Дворяниновъ, Василій Трохимовъ, Федоръ Попковъ,
Василій Плешивцовъ;
Лекаръ Иванъ Финкъ.

Въ уздѣхъ оставшие:

Секундъ-Маіоръ Артемій Бережневъ.

Прапорщики:

Филать Струйской, Петръ Поляковъ;
Подпрапорщикъ Петръ Тургеневъ, съ сыномъ Иваномъ,
Сержантъ Михайла Кульгичъ.

Ставропольскаго баталіона сержанты:

Иванъ Свѣшниковъ, Василій Гущинъ, Яковъ Петровъ,
 Михайла Савушкинъ, Семень Львовъ;
 Подпрапорщикъ Иванъ Феминъ,
 Капралъ Лука Матвѣевъ.

Солдаты:

Игнатій Буторинъ, Фроль Бердяковъ, Петръ Вагинъ, Ми-
 трозанъ Мухановскій, Никита Козловъ, Василій Григорьевъ,
 Григорій Колесниковъ, Авансій Кондуковъ, Гурій Ульяновъ,
 Деньщикъ Максимъ Андреевъ,
 Ставропольскаго Духовнаго Правленія копнѣсть Василій Тат-
 линъ.

Дворянскіе люди:

Прапорщика Филата Струйскаго: Елизаръ Семеновъ,
 Помѣщицы Аграфены Стрекаловой: Егоръ Горохъ, Осипъ Алек-
 сандровъ,
 Помѣщицы Прасковьи Чемесовой: Иванъ Михайловъ,
 Ясачной крестьянинъ Осипъ Звонаревъ,
 Разочинецъ Михайла Васильевъ.

Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса:

Ротмистръ Никаноръ Буратовъ,
 Солдатъ Иванъ Шонбо.

Нижегородской губерніи, въ Нижегородскомъ уѣздѣ
 убиты до смерти:

Графа Николая Головина приказчикъ Алексій Тетеевъ, съ
 женою Настасьею,
 Брѣтъ его Иванъ Тетеевъ, съ сыномъ Васильемъ.

Выборные:

Андрей Киреевъ,
 Иванъ Фаддеевъ,

Крестыанинъ Павелъ Кордюковъ,
 Нѣмецъ одинъ,
 Французъ одинъ,
 Артиллеріи Капитана Князь Петра Дадіана приказчикъ Петръ
 Кучинъ, съ женою Дарьею.

Въ города Алатырь увиты до смерти:

Премьеръ-Маіоръ Романъ Грабовъ, съ женою Катериною,
 Коллежскій Ассесоръ Галактіонъ Кляпиковъ,
 Землемѣръ, Подпоручикъ Федоръ Вишняковъ, съ женою Анною,
 и братомъ его двоюроднымъ Федоромъ Прокофьевымъ; Секре-
 тарь Василій Поповъ, съ женою Авдотьею Ивановою, съ дѣтьми,
 дочерьми, Варварою, Глафирою, съ сыномъ Алексѣемъ, и матерью
 Матрешою Васильевою,
 Протоколистъ Матвій Леонтьевъ, съ женою Марьею, съ дѣть-
 ми, сыномъ Николаемъ, дочерьми Анною и Александрою,
 Капитанъ Иванъ Недоростковъ, съ женою.

Штатной команды солдаты:

Алексѣй Зенкинъ, Тимофей Запылякинъ.

Въ уздѣ:

Прокуроръ Василій Кривской,
 Капитанъ Николай Лигутинъ, съ женою Анною Ивановою,
 Сержантъ Иванъ Любовцовъ,
 Маіорша Федосья Назарьева,
 Капитанъ Петръ Зубатовъ,
 Изъ дворянъ капралъ Александръ Зиновьевъ,
 Маіоръ Семенъ Марковъ,
 Изъ дворянъ каптенармусъ Аванасій Аваньянъ,
 Прапорщикъ Василій Мещеряковъ,
 Помѣщица Прасковья Телѣгина,
 Помѣщица, вдова Авдотья Тимашева,

Полковника Федора Волкова сводчица Татьяна Иванова,
 Прапорщикъ Василій Мертваго, съ женою Пелагьею Ивановою,
 Майоръ Берисъ Мертваго,
 Вехнистръ Андрей Назарьски,
 Капитанъ Алексѣй Матцылевъ, съ женою Мартиною Алексее-
 вою;

Коллежскаго Ассесора Ивана Мачаварианова сводчица Нина
 Егорова,

Экономическаго Казначея Князь Василья Туркистанова жена
 Ирина Берисова.

При экономическомъ винокуренномъ заводѣ:

Прапорщики:

Алексѣй Гедеевъ съ женою Еленою Романовою, Василиѣй Ду-
 ровъ съ женою Авдотьей Васильевою; помощникъ Сергѣй Бъ-
 дауровъ съ женою Александрою Петровою,

Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова,
 Ассесора Мачаварианова дочь, дѣвица Файна Иванова, пле-
 мянникъ его Николай Гавриловъ,

Инвалиднаго Секундъ-Майора Чеботарева жена Анна Иванова,
 Мать ея Авдотья Гедеева,

Племянница ея, дѣвица Марья Туркманова,

Армятовской дворцовой волости управитель, Секундъ-Майоръ
 Михайла Нелодовъ,

Поручикъ Иванъ Смолковъ съ женою Аннией Ивановою,

Мать его, Майорша Дарья Никигива,

Прапорщикъ Дмитрія Жмакина жена Анисья Андреева,

Майора Растрюгина жена Авдотья Козмина,

Мать его Прасковья Михайлова;

Дѣти его, дочери: Ирина, Федосья, Фекия.

Поручикъ Андрей Саврасовъ съ женою Аннией Матвѣевою,

Теща его Анна Кириллова,
 Дворянинъ Егоръ Пазухинъ съ женою Марьею Алексѣевою;
 Дѣти его, сынъ Алексѣй, дочери: Анна, Елисавета,
 Дворянина Федота Захарина дочь, дѣвица Татьяна,
 Помѣщикъ Ивѣва Салманова теща Авдотья Асѣвасѣева, жена
 Акулина Лукіанова,
 Сынъ его Николай,
 Дворянинъ Асѣвасій Яхонтовъ съ женою Домною Никитицевою;
 Дѣти ихъ, сынъ Степанъ, дочери: Пелагья, Дарья;
 Дворянинъ Феопемитъ Яхонтовъ съ женою Евдотьевою Се-
 меновою;
 Дѣти ихъ, сыновья: Дмитрій, Павелъ, дочери: Авдотья, Аку-
 лина; теща Авдотья Антонова;
 Капраль Иванъ Салмановъ,
 Капитанша, вдова Анна Брюхова,
 Дворянская жена Прасковья Телѣгина,
 Поручикъ Иванъ Алабинъ,
 Солдатъ Василій Шебакинъ,
 Прапорщикъ Григорій Курѣдовъ съ женою Анною Ивановою,
 Дворянка Прасковья Апраксина,
 Капитанша вдова, Ирина Аленина,
 Помѣщица Варвара Василисова,
 Капитанъ Николай Страховъ,
 Мать его, вдова Поручица Домна Данилова,
 Помѣщикъ Василій Апраксинъ съ женою Анисьею Дмитрие-
 вою,
 Сынъ его, Прапорщикъ, Алексѣй,
 Прапорщикъ Иванъ Ашанинъ съ женою Авдотьею Семеновою,
 Вдова, помѣщица Агаѣя Тахтарова,
 Капитанъ Иванъ Лиховъ,
 Капитана Ивѣва Полумординова сынъ Михайла,
 Прапорщикъ Иванъ Анцыфоровъ съ женою Анною Романовою,

Дѣвка Вѣра Данилова,
 Вдова Марья Данилова,
 Подполковница вдова Прасковья Кишневская,
 Сынъ ея, Маіоръ Николай,
 Малолѣтній Аврамъ,
 Дворянская жена вдова Анисья Неронова,
 Сынъ ея, Поручикъ Иванъ, съ женою Прасковьею Андреевою,
 Гвардіи Прапорщикъ Иванъ Стечкинъ, съ женою Василиевою
 Петровою,
 Помѣщикъ Ежицъ Нероновъ;
 Дѣти его: сынъ Алексѣй, дочери Наталія, Анна, Марра;
 Помѣщица Федосья Лаптева,
 Прапорщикъ Григорій Невѣровъ,
 Прапорщикъ Григорій Нагаткинъ, съ женою Феклою Ва-
 сильевою;
 Дѣти, сынъ Петръ, дочь, дѣвица Акулина;
 Прапорщикъ Андрей Теренинъ,
 Помѣщица Авдотья Варыпасва,
 Прапорщикъ Василій Теренинъ,
 Сержантъ Козма Теренинъ,
 Дворянка Прасковья Григорьева,
 Дворянка Прасковья Иванова,
 Солдатская жена Анна Осипова,
 Помѣщикъ, Князь Арзамовъ Чегодаевъ, съ женою Натальею
 Ивановою.

Прапорщнкк:

Федоръ }
 Бѣрисъ } Брюховы,

Поручица, вдова Прасковья Брюхова,
 Сержантъ Сергѣй Анапнинъ, съ женою Марьею Васильевою,

Дочь его Надежда;
 Канцеляристъ Федоръ Крюковской,
 Прапорщикъ Александръ Грязновъ,
 Дворянинъ Зурабъ Давыдовъ,
 Служитель его Яковъ Андреевъ,
 Прапорщикъ изъ Грузинъ Есесій Семеновъ,
 Канцеляристъ Михайла Соколовской,
 Писарь Никита Вѣринъ,
 Прапорщикъ Василій Тимашевъ, съ женою Катериною Анто-
 вною,
 Дочь его: дѣвица Елисавета,
 Помѣщица Марья Пучкова,
 Капитанъ Яковъ Бурцовъ,
 Подпоручикъ Василій Шалимовъ, съ женою Акулиною
 Ильиною,
 Пріемщикъ, дѣвка Анна,
 Университетскаго Учителя Грачевскаго дочь Вѣра,
 Дворянинъ Дмитрій Пасмуровъ, съ женою Ирвиною Федо-
 ровою;
 Капитанъ Михайла Ашанинъ,
 Капитанша Прасковья Павлова,
 Сынъ ея, Капитанъ Василій,
 Его сынъ, сержантъ Федоръ,
 Прапорщикъ Василій Шишкинъ,
 Фурьеръ Василій Бабушкинъ, съ женою Марьей Ивановою, и
 дочь его Елисавета,
 Поручикъ Александръ Зиминской, съ женою Авдотьею,
 Григорьевою,
 Прапорщикъ Василій Кошкинъ,
 Прапорщикъ Василій Зиминской, съ женою Маріамою Ва-
 сильевою,
 Майоръ Никифоръ Юрасовъ,

Прапорщикъ Семенъ Юрсовъ, съ женою Татьяною Монсесною,

Дворянъ два человека: одинъ мужскаго, а другой женскаго пола,

Князь Борисъ Дивѣевъ,

Подпрапорщикъ Екимъ Шумякъ,

Протоколита Матвѣя Леонтьева мать Ирина,

Дамилы Куткина жена Анна Федорова,

Староста Тимофей Федотовъ,

Секундъ-Маіора Андрея Кикина староста Федоръ Гаврилевъ,

Десятской Федоръ Агасовъ,

Помѣщика Алексѣя Сычснова прикащикъ Захаръ Андреевъ,

Маіора Ивана Протасьева прикащикъ Петръ Васильевъ,

Помѣщика Петра Пазухина староста Андрей Алексѣевъ,

Помѣщика Ивана Аваньяина староста Федоръ Ивановъ.

Крестьяне:

Макаръ Федоровъ, Андрей Николаевъ,

Помѣщицы Варвары Языковой дворовой человекъ Ефимъ Фирсовъ,

Помѣщика Нилы Пянова крестьянинъ Авдей Федоровъ;

Секундъ-Маіора Авдасья Давыдова дворовые люди: Прокофій Прохоровъ, Степанъ Давыловъ,

Арзамасская купецкая жена Марья Федорова,

Полковника Федора Волкова прикащикъ Иванъ Козминъ, сынъ его Еяграфъ;

Помѣщика Алексѣя Бахметева прикащикъ Иванъ Петровъ съ женою Федосьею Романовою,

Генералъ-Маіора и Кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человекъ Максимъ Леонтьевъ,

Староста Карлъ Ивановъ,

Артиллерин Подполковника Льва Пушкина дворовой человекъ Семенъ Ивановъ,

Генералъ-Поручика Ивана Левашева прикащикъ Федоръ Логиновъ, съ женою Татьяною Федоровою и съ дочерью Благовостою,

Евгень Ивановъ, Аверьянъ Борисовъ,

Подполковника Григорья Бахметева выборный Алексѣй Игнатьевъ,

Гвардіи капрала Егора Кроткаго человекъ Михайла Егоровъ,

Капитана Алексѣя Матцынева прикащикъ Деметій Дмитриевъ,

Секундъ-Маіора Петра Акинѣева прикащикъ Александръ Васильевъ.

Экономическаго вѣдомства крестьяне:

Прокопій Аванасьевъ,

Иванъ Володимеровъ,

Михей Яковлевъ;

Полковника Князь Александра Одоевскаго прикащикъ Григорій Лебедевъ,

Помѣщика Александра Заминскаго прикащикъ Никита Моисеевъ съ женою Прасковьею Андреевою,

Бригадира Левлева прикащикъ Степанъ Семеновъ,

Солдатская жена Фекла Семенова,

Графа Ивана Петровича Салтыкова:

Штуцмейстеръ Иванъ Штепсигъ,

Прикащикъ Антошь Дроздовъ,

Староста Анкудинъ Феклистовъ,

Прикащикъ Никита Алымовъ, съ женою и съ дочерью,

Прикащикъ Алексѣй Головлевъ,

Земской Иванъ Вернеевъ,

Крестьянинъ Иванъ Трохимовъ,
 Прикащикъ Петръ Протопоповъ,
 Крестьянинъ Федоръ Вайцовъ.

Графа Андрея Петровича Шувалова:

Прикащикъ Тимофей Щепотевъ, съ женою Настасьею Ивановою,
 Земскою Филиппъ Петровъ,
 Экономической крестьянинъ Михай Яковлевъ,
 Прикащикъ Михайла Савельевъ, съ женою Авдотьею Федо-
 ровою,
 Прикащикъ Борися Турчениновъ,
 Прикащикъ Кондратій Филиповъ.

Священники:

Яковъ Федоровъ,
 Василий Алексеевъ,
 Асавасій Ивановъ,
 Иванъ Прохоровъ,
 Антипъ Борисовъ,
 Иванъ Борисовъ;
 Діаконъ Федоръ Михайловъ.

Въ Арзамасскомъ уздѣзѣ убиты до смерти:

Гвардіи Коннаго полка Секундъ - Ротмистръ Иванъ Исуповъ,
 съ женою Ириною Петровою и съ дочерью Еленою и вдовою
 Настасьею,
 Титулярнаго Совѣтника Ивана Бахметева дочь,
 Священникъ Василий Алексеевъ,
 Поручика Николая Языкова служитель Сергій Борисовъ,
 Капитана Петра Ермолова дворовой челоуѣкъ Егоръ Ва-
 сильевъ,
 Прикащикъ Паросень,

Секундъ-Маюра Князь, Ивана Кольцова-Масальскаго зинскої
Семенъ Алексѣевъ,

Прапорщикъ Алексѣя Дубенцова-приказчикъ, Кандратій Ан-
дреевъ,

Служитель Иванъ Гуляевъ.

Въ городѣ Курмышѣ убиты до смерти;

Секундъ-Маюры:

Василій Юрловъ,

Дмитрій Маковневъ,

Вдова Наталья Ульянина.

Курмышской Канцелярии:

Квартирмистръ Александръ Филиповъ,

Канцеляристъ Михайла Еремеевъ.

Въ урядѣ Священники.

Анастасій Дмитриевъ,

Алексѣй Семеновъ,

Василій Антоновъ,

Гаврила Евтроповъ,

Гаврила Михайловъ,

Андрей Степановъ,

Михайла Дмитриевъ,

Петръ Ивановъ,

Андрей Алексеевъ,

Григорій Матвеевъ,

Михайла Васильевъ,

Федоръ Алексеевъ.

Діаконы.

Андрей Федоровъ,

Василій Гавриловъ,

Григорій Гавриловичъ,
Константинъ Васильевъ,
Иванъ Михайловичъ,
Иванъ Никифоровъ,
Иванъ Андреевъ,
Михайла Ивановъ,
Алексей Андреевъ,
Иванъ Андреичъ.

Дьяки:

Петръ Ивановъ,
Иванъ Григорьевъ,
Корнелъ Васильевъ,
Иванъ Васильевъ,
Василій Никитинъ,
Петръ Афанасьевъ,
Василій Ивановъ,
Сергей Григорьевъ.

Понамары:

Петръ Ивановъ,
Матвей Ивановъ,
Василій Тимофеевъ,
Егоръ Автоновъ,
Петръ и Агафонъ Федоровы,
Дмитрій Федоровъ,
Илья Михайловичъ,
Семенъ Кузминъ,
Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева прикащикъ Яковъ
Реутовъ.

Курмишской инвалидной команды:

Поручикъ Тимофей Муромцовъ,
Солдаты Дмитрій Гусевъ,

Подпоручикъ Иванъ Мангуровъ, съ дѣтми Кирилломъ и Ник. колаемъ,

Помѣщика Ларіона Любятинскаго староста Асѣнасіѣ Васильевъ;
Коллежской Совѣтницы Прасковьи Стражиной челоука Федоръ Тимоѣевъ;

Прапорщикъ Андрей Крашевъ,

Цѣвильской Канцеляріи Секретарь Никита Поцовъ, и жена его Татьяна Степанова.

Дворянскихъ людей:

Мужескаго пола четыре,

Женскаго два,

Малолѣтнихъ два,

Матросъ Абрамъ Васильевъ,

Духовныхъ дѣлъ кописта Павла Попова сынъ Василій,

Матросъ Иванъ Львовъ,

Священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова,

Сотникъ Иванъ Илдеряковъ.

Крестьянне:

Дмитрій Перфильевъ,

Петръ Никитинъ.

Города Ядринска въ разныхъ мѣстахъ убиты до
СМЕРТИ:

Священниковъ и причетниковъ съ ихъ женами тридцать восемь.

Города Оренбурга въ крѣпостяхъ убиты до СМЕРТИ:

Въ Чернорѣченской крѣпости:

Капитанъ Нечасовъ.

Въ Татищевой:

Комедантъ, Полковникъ Елагинъ съ женою.

Въ Разсѣльной:

Комендантъ, Секунда-Маіоръ Волевскій съ женою,
Капитанъ Савиничъ,
Поручикъ Кирпичевъ,
Прапорщикъ Осиповъ,
Священникъ одинъ,
Воинскихъ нижнихъ чиновъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ
двѣнадцать.

Въ Сорогинской:

Регулярныхъ шесть,
Разночинцевъ пять.

Въ Бузулукской:

Маіора Племянникова приказчикъ и староста,
Регистратора Арапова работникъ.

Въ Борской:

Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
Помѣщичьихъ крестьянъ два человѣка.

Въ Преткстемской:

Отставныхъ двѣнадцать человѣкъ.

Въ Зѣлаирской:

Адьютанта Бурунова жена Матрена Иванова съ прочими от-
ставныхъ съ женами жъ въ числѣ четырехъ человѣкъ, съ пятью
обонхъ половъ младенцами.

Въ Магнитной:

Священникъ одинъ,
Капитанъ Сергѣй Тихановской съ женою,
Отставныхъ солдатъ двое.

Въ Нижне-Озерной:

Комендантъ, Секунда-Маіоръ Харловъ съ женою и братомъ
ся.

Въ состоящей на Самарской дистанціи деревнѣ Милоховой:

Отставной Капитанъ Троешиъ Милоховъ.

Въ городѣ Троицкѣ убиты до смерти:

Воевода, Секундъ-Маіоръ Варсоломей Сталповскій,

Товарищъ, Капитанъ Князь Алексій Чегодаевъ,

Съ приписью Михайла Скорняковъ,

Троицкихъ дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ управитель
Гонимъ-мурьеръ Андрей Половинкинъ,

Въ узлѣдѣ онаго:

Троицкой штатной команды солдаты:

Савелій Воловъ,

Степанъ Федоровъ,

Петръ Горбуновъ,

Разночинецъ Троешиъ Образцовъ,

Дворцовой крестьянинъ Григорій Памовъ,

Канцеляриста Ивана Григорьева дворовой челоуѣкъ Антоша
Яковлевъ.

Въ городѣ Краснословодскѣ убиты до смерти:

Воевода, Секундъ-Маіоръ Иванъ Селуноской,

Секретарь Василій Тютриновъ,

Помѣщикъ, Капитанъ Дажла Стальцинъ.

Въ узлѣдѣ онаго:

Попъ Иванъ Яковлевъ,

Казеннаго дворцоваго Троицко - Острожскаго винокуреннаго
завода сержантъ Никита Головъ.

Дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ:

Въ должности страпчачаго канцеляриста Степанъ Снѣжницкій,

Канцеляристъ Семень Дубровской,

Дворянинъ Никита Степановъ,
Дворянинъ Юдинъ.

Въ городѣ Наровчатѣ убиты до смерти:

Воевода Аванасій Ценинъ,
Въ должности Секретаря Регистраторъ Семень Корольковъ,
Капралъ Степанъ Кашигъ,
Священникъ Иванъ Ивановъ,
Города Инсары Воеводскаго товарища Юматова дворовый че-
ловѣкъ Савелій Ивановъ,
Произжавшій человекъ единъ,
Наровчатской Канцелярии отставной колѣнеть Александръ
Соколовъ,
Помѣщика Арапова дворовой человекъ Василій Анисеевъ,
Дворцовой крестьянинъ Иванъ Сорокинъ.

Въ городѣ Инсарѣ убиты до смерти:

Священники: Козма Семіоновъ, Андрей Мионовъ.

Инсарской мѣстной команды Секунды-Маіоры:

Василій Денисьевъ, и
Жена его Наталья Петрова,
Андрей Кузьминъ, и
Жена его Фекла Емельянова,

Капитаны:

Дмитрій Купринъ,
Жена его Татьяна Григорьева;
Иванъ Щербаковъ,
Жена его Марѳа Иванова;
Петръ Кресниковъ.

Поручикъ:

Михайла Юрловъ,
Жена его Прасковья Юдина,

Подпоручики:

Алексѣй Пьянкинъ,
 Жена его Меланья Евсеева,
 Сестра его Меланья Тимоеева,
 Алексѣй Корниловъ,
 Неждъ Онуфриевъ,
 Андрей Карапинъ,
 Жена его Ирина Иванова,
 Подпоручика Андрея Турьшшева жена Пелагѣя Петрова.

Прапорщики:

Прокофій Соколовъ,
 Жена его Настасья Тимоеева,
 Николай Козловъ,
 Савва Агаеоновъ,
 Жена его Степанида Степанова,
 Ротной Квартирмистръ Юна Стунетовъ,
 Сержантъ Гаврила Маклаковъ,
 Каптевармуса Прокофья Страхова жена Акимья Васильева.

Капралы:

Иванъ Васильевъ,
 Игнатій Сальнинъ,
 Жена его Февронья Филинова,
 Михайла Матвеевъ,
 Жена его Авдотья Федорова,
 Василій Тепловъ,
 Жена его Прасковья Игнатьева,
 Павелъ Филимоновъ.

Солдаты:

Агапъ Голубчиковъ,
 Захаръ Крыловъ,
 Данила Прокофьевъ,

Авдей Мелеховъ,
 Иванъ Юдинъ,
 Никита Бельяниновъ,
 Василій Погинъ,
 Владиміръ Иващенко,
 Федоръ Трошиновъ,
 Степанъ Евсигнеевъ,
 Алексій Пирожковъ,
 Иванъ Вилкинъ,
 Александръ Карауловъ,
 Козма Паршинъ,
 Михайла Бакаевъ,
 Федоръ Назаровъ,
 Иванъ Букаевъ,
 Титъ Хомовъ,
 Осипъ Леонтьевскій,
 Петръ Шадринъ,
 Яковъ Мадрыгинъ,
 Федотъ Федоровъ,
 Жена его Агаея Григорьева,
 Гаврила Лосевъ,
 Жена его Прасковья Васильева,
 Василій Петинъ,
 Жена его Устинья Артемьева,
 Елисей Чекановъ, жена его Настасья Иванова,
 Солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова,
 Солдата Григорья Иконникова жена Федосья Степанова,
 Канцеляристъ Иванъ Андреевъ.

Императорской штатной команды:

Солдаты:

Борисъ Шульгинъ,
 Антонъ Камшилинъ,

Сторожъ Перевль Герасимовъ,
Купецъ Филиппъ Соснинъ.

Подпоручики:

Алексѣй Головсень,
Федоръ Головсень, сестра его Анна Иванова,
Корнетъ Дмитрій Головсень, жена его Матреша Николаевна,
Московского купца Рюмина приказчикъ Максимъ Есмератовъ.

ПЕНЗИНСКАГО УЗДА:

Изъ дворянъ отставной драгунъ Егоръ Ульяновъ,
Жена его Настасья Михайлова,
Сестра ея Катерина Михайлова жъ.

АЛАТЫРСКАГО УЗДА:

Поручикъ Прокофій Лукинъ,
Жена его Пелагія Никифорова.

НАРОВЧАТСКАГО УЗДА:

Прапорщикъ Николай Ермоловъ.

ТЕМНИКОВСКАГО УЗДА:

Татаръ шестнадцать человекъ,
Помѣщика Платона Орлова приказчикъ, а какъ его звали, не-
извѣстно.

Въ Инсарскомъ уздѣ:

Поручика Василія Губарева крестьянинъ Тимосей Гавриловъ,
Секундъ-Маіоръ Василій Ягодянской,
Жена его Татьяна Иванова,
Недоросль Князь Онисимъ Чюрмантеевъ,
Жена его Авдотья Данилова,
Артиллеріи Маіоръ Николай Нечасъ.

Инсарской инвалидной команды Секундъ-Маіори:

Гаврила Помеловъ,
Кирилла Муратовъ,

Поручикъ Петръ Долговъ,
 Частной Смотритель, Капитанъ Князь Максимъ Чюрмантеевъ,
 Помѣшцы Елисаветы Шепелевой приказчикъ Андрей Кар-
 повъ,

Коллежской Ассесоръ Иванъ Кожинъ,
 Жена его Татьяна Сергѣева.

Дочери ея, дѣвицы Аграфена,
 Авдотья,

Варвара;

Мать его Кожина, Авдотья Николаева;

Премьеръ-Маюръ Семенъ Мерзлятьевъ,

Жена его Анна Петрова;

Управитель, Прапорщикъ Перемий Унковской,

Подполковника Дмитрія Чуваровскаго приказчикъ Яковъ
 Никифоровъ,

Жена его Акилья Матвѣева,

Поручика Андрея Мневскаго жена Катерина Михайлова,

Отставной солдатъ Павелъ Енолеевъ,

Поручикъ Ермолаевъ,

Дворянинъ Веденяпинъ,

Помѣщица Мещеринова.

Въ Шацкомъ уздѣзѣ убиты до смерти:

Попъ Осипъ,

Дьяконъ Василій,

Дьячекъ,

Понамаръ Михайла,

Прапорщикъ Анна Мальцова,

Помѣщица Александра Ханькова,

Приказчикъ Ома Никифоровъ,

Питсѣевыхъ сборовъ служитель, одноворонецъ Игнатъ Блюзер-
 цовъ,

Поручикъ Яковъ Огалинъ съ сыномъ Львомъ,
 Помѣщаницы Книгини Дашковой приказчикъ Тимосей Ѳеодоровъ,
 Питейныхъ сборовъ служитель, Кунгурской купецъ Яковъ Носковъ,
 Одиодворческіе дѣти: Степанъ и Петръ Подьямольскіе,
 Генераль-Маіора Никиты Сидринова приказчикъ Иванъ Петровъ, жена его Улита Иванова,
 Титулярной Совѣтницы Анны Посниковой приказчикъ Андрей Родіоновъ,
 Цѣловальникъ одинъ,
 Помѣщика Николая Колычева приказчикъ Михайла Андреевъ съ женою,
 Помѣщица вдова Татьяна Пятова,
 Помѣщица Агаея Якутина,
 Корнетъ Евстратъ Евсюковъ.
 Писчики: Иванъ Кучуровъ, Степанъ Дивеевъ,
 Помѣщика Кольцова-Масальскаго приказчикъ Восновъ,
 Подполковникъ Осипъ Кузмищевъ,
 Одиодворецъ Матвей Тверитиновъ.
 Поручики: Филиппъ Тенишевъ, Николай Реткинъ,
 Вахмистръ Козма Марковъ,
 Помѣщика Александра Васильчикова приказчикъ,
 Полковника Василья Измайлова приказчикъ Семень Мартыновъ,
 Полковника Князь Александра Большаго - Черкаскаго сольской Степанъ Ѳеодоровъ.

Въ городѣ Темниковѣ убиты до смерти:

Питейныхъ сборовъ повѣренно Яковъ Кленовъ,
 Поручица вдова Прасковья Ребинина,

Капитанъ Дмитрій Кочеевъ,
 Подпоручикъ Князь Михайла Мансуревъ,
 Прапорщикъ Николай Ермоловъ,
 Гвардіи капраль, Князь Илья Енцеевъ, жена его Матрена
 Давыдова,
 Гвардіи капраль, Князь Василій Девлеткильдеевъ,
 Капитана Александра Мошкова приказчикъ Тарентій Ивановъ,
 Татаринъ Аюся Халеевъ.

Въ Тамбовскомъ уездѣ убиты до смерти:

Поручика Афанасья Сатина приказчикъ,
 Изъ дворянъ отставной ротный Квартирмейстеръ Максимъ Да-
 ськинъ,
 Изъ одноворцовъ отставной капраль Василій Мишинъ,
 Надворяго Совѣтника Ивана Мосолова престыжникъ Семёнъ
 Бирюковъ.

Въ городѣ Нижнемъ-Ломовѣ убиты до смерти:

Священникъ Иванъ Ивановъ,
 Поручикъ Петръ Анучинъ,
 Секундъ-Маіоръ Степанъ Евсюковъ,
 Капитанъ Яковъ Калмыковъ,
 Поручикъ Иванъ Симаковъ,
 Прапорщикъ Тихонъ Масловъ,
 Прапорщикъ Василій Клишовъ,
 Маіоръ Иванъ Соколовъ.

Въ уездѣ:

Секретарь Никита Григорьевъ сынъ Подгорновъ, жена его
 Ирина Степанова,
 Своя его, Авдотья Петрова,

Прапорщикъ Иванъ Слѣпцовъ, жена его Акулина Алексѣева,
Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, жена его Аграфена Сер-
гѣева,

Капитанъ Лаврентій Слѣпцовъ,

Каптенармусъ Федоръ Слѣпцовъ, жена его Марья Степа-
нова,

Прапорщикъ Василій Лепуновъ,

Сержантъ Александръ Микешинъ, жена его Анна Андреева,

Князь Михайла Мансыревъ,

Прапорщикъ Петръ Скоратинъ,

Капитанъ Князь Семеновъ Мамлѣвъ,

Прапорщикъ Князь Спиридонъ Мамлѣвъ,

Поручикъ Князь Михайла Ишеевъ,

Прапорщикъ Василья Гедеева жена Анна Филатьева,

Поручица Авдотья Малахова,

Поручица Евгения Исеева,

Подпрапорщикъ Иванъ Малаховъ, жена его Марья Михайло-
ва, дочь дѣвца Агаея,

Князь Василій Петровъ сынъ Кугушевъ,

Маюръ Федоръ Никифоровъ,

Надворный Совѣтникъ Василій Иванчинъ, жена его Авдотья
Родионова,

Сынъ ихъ Поручикъ Акимъ Иванчинъ, жена его Ирина Фе-
дорова,

Протоколнсть Михайла Дедешинъ.

Въ городѣ Верхнемъ-Домовѣ убиты до смерти:

Премьеръ-Маюръ Иванъ Болоцкой.

Капитанъ: Иванъ Степановъ, Иванъ Дьяконовъ;

Подпоручикъ Никита Суволоковъ,

Поручикъ Носедъ Балашовъ,

Солдаты Федоръ Лопалинъ,

Изъ дворянъ канцеляристъ Михайла Смирновъ, жена его
Анны Ивановы,

Воеводскаго Товарища Немецкаго дворовой человекъ Дмит-
рій Никитинъ,

Воеводской Товарищъ, Титулярной Совѣтникъ Петръ Немец-
кой,

Дворянская жена вдова Ульяна Сурина,

Надворной Совѣтникъ Никифоръ Хомяковъ,

Подпоручикъ Капитанъ Вышеславцовъ,

Помѣщика Василія Титова, приказчикова жена Ульяна Коз-
мина,

Надворной Совѣтникъ Иванъ Богдановъ, жена его Наталья
Иванова,

Прапорщикъ Екимъ Юматовъ, жена его Ирина Леонтьева,

Дочь ихъ малолѣтняя Марья,

Прапорщикъ Цвѣтлей Трунинъ, жена его Прасковья Ен-
мова,

Поручикъ Федоръ Мосоловъ,

Фурьеръ Иванъ Мещериновъ,

Канцеляристъ Никифоръ Смирновъ,

Секундъ - Маюра Ивана Вышеславцова жена Лукерья Ива-
нова,

Вахмистръ Максимъ Хомяковъ,

Дворянинъ Петръ Веденяпинъ,

Сынъ его, Поручикъ Кондратій,

Помѣщика Матвѣя Дубасова крестьянинъ Смирдонъ Авос-
рѣвъ,

Капитанша Анна Болкомнива,

Инвалидной солдатъ Лукіанъ Курочкинъ,

Корнетъ Иванъ Мещериновъ,

Прапорщикъ Артамонъ Шмаковъ,

Поручика Константина Веденяпина жена Пелагья Леонтьева,

Подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексѣева;
 Маіоръ Иванъ Григоровъ,
 Племянница его Авдотья Иванова,
 Экономической Казначей, Поручикъ Андрей Молчиловъ,
 Подпоручика Алексѣя Вышеславцова жена Матрена Иванова,
 Прапорщикъ Григорій Евсюковъ,
 Прапорщика Пантелея Трунива крестьянина, а какъ зовутъ,
 неизвѣство,

Помѣщика Языкова приказчикъ Егоръ Григорьевъ,
 Вдова Поручица Татьяна Вращкая,
 Татаринъ Бикмай Дубинъ,
 Незнакомой сендеръ,
 Помѣщица Авдотья Волженская,
 Подпоручикъ Василій Вышеславцовъ,
 Поручика Фоки Исаева жена Евгенія Андреева,
 Генераль-Поручица и Кавалера Анны Шенелева служитель
 Иванъ Улановъ.

Самарской дистанци, въ Борской крѣпости, убиты до
 СМЕРТИ:

Переводчикъ Архановъ,
 Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
 Хилковскихъ крестьянъ два человека,
 Отставныхъ конной гвардіи два,
 Тайнаго Совѣтника Обухова крестьянъ два.

Въ городѣ Саратовѣ убиты до СМЕРТИ:

Отставной Прапорщикъ Артамонъ Шахматовъ,
 Полевой Артиллеріи сержантъ Павелъ Шахматовъ,
 Отставной Прапорщикъ Козма Рахманиновъ,
 Поручика Матвѣя Селезнева жена вдова Марья Иванова,
 Отставной Прапорщикъ Алексѣй Протопоповъ,

Отставной Прапорщикъ Асавасій Толпыгинъ,
 Изъ дворянъ Коллежскій Регистраторъ Иванъ Аврамовъ,
 Жена его Ирина Иванова,
 Бывшаго Саратовскаго Команданта Томаса Юнгера жена
 вдова Шарлотта Крестьянова,
 Корнетъ Гаврила Болотинъ,
 Жена его Фекла Алексѣева;
 Дѣти: Федоръ,
 Григорій,
 Дочь Степанида,
 Теща того Болотина, Марѣя Ильина;
 Дворянина Алексѣя Болотина жена Авдотья Степанова.
 Дѣти: Сынъ Никифоръ,
 Дочери: Меланья, Марѣя;
 Дворянинъ Степанъ Родионовъ,
 Отставной Прапорщикъ Михайла Ахматовъ,
 Дворянинъ Яковъ Болотинъ,
 Отставной Прапорщикъ Григорій Автамоновъ сынъ Быковъ.

Саратовскаго Баталіона Секундъ-Маіоры:

Петръ Астаѣевъ,
 Иванъ Мосоловъ.

Капитаны:

Семень Агишевъ,
 Василій Портновъ,
 Андрей Маматовъ,
 Алексѣй Тагаевъ,

Поручики:

Иванъ Пироговъ,
 Михайла Меренковъ.

Прапорщики:

Иванъ Улановъ,

Евдокимъ Портновъ,
 Лекаръ Іоганъ Рамеловъ,
 Бывшій въ городѣ Петровскѣ Смотритель надъ межевщиками
 Коллежской Ассесоръ Борисъ Нанкуль.

Команды его: Подпоручикъ Ѳедоръ Спичарновъ,
 Прапорщикъ Петръ Скуратовъ,
 Корнетъ Петръ Калмыковъ.

Вѣдомства Конторы Опекунства Иностранннхъ:

Поручики: Михайла Ермолаевъ съ женою,
 Иванъ Широковъ съ женою,
 Прапорщикъ Иванъ Ушаковъ,
 Протоколистъ Иванъ Образцовъ,
 Регистраторъ Иванъ Винишъ,
 Аптекарь Иванъ Аменде.

Артиллерійскаго перваго фузелернаго полку:

Капитанъ Князь Андрей Баратаевъ,
 Поручикъ Михайла Будановъ,
 Подпоручикъ Василій Хотяинцовъ,
 Штыкъ-юнкеръ Адрианъ Ѳедоровъ,
 Лекаръ Семенъ Рудзевичъ.

Въ городѣ Дмитріевскѣ, что на Камышенкѣ, убиты
 до смерти:

Полковникъ и Дмитріевской Комендантъ Каспаръ Меллингъ,
 Капитанъ Семенъ Агшевъ,
 Городовой Лекаръ Степанъ Бѣлесъ, жена его Катерина Ѳе-
 дорова, дочь, дѣвица Матрена.

Бывшіе въ Николаевской слободѣ при Солляномъ Коммисарствѣ:

Присутствующій, Титулярной Совѣтникъ Илья Башилловъ,
 Поручикъ Сергій Богатыревъ.

Въ городѣ Царицынѣ убиты до смерти:

Легкой полевой команды Командиръ, Секундъ-Маіоръ Баронъ фонъ-Дидцъ;

Каптъаны:

Дмитрій Шеншинъ,
Иванъ Шиловъ;

Поручики:

Дмитрій Денисьевъ,
Александръ Рокотовъ,
Адъютантъ Семенъ Романовъ;

Прапорщики:

Александръ Палчевскій,
Илья Булашевъ,
Иванъ Буткевичъ,
Лекаръ Давіель Амбразусъ.

Царицынскихъ баталіоновъ, пераго:

Поручикъ Иванъ Климовъ.

Втораго:

Подпоручикъ Алексій Кингинъ;

Въ Волскомъ войскѣ убиты до смерти:

Войсковой Старшина Григорій Поляковъ,
Депутатъ Андрей Дьячковъ,
Московского легіона Казачьей команды отставной Прапорщикъ
Иванъ Хуторсковъ.

Казакки:

Петръ Зайченковъ,
Петръ Грековъ,
Яковъ Грековъ.

ВЪ НОВОХОПЕРСКОМЪ УЗДѢ:

Частный Смотритель Новохоперскаго баталіона, Подпоручикъ
 Павелъ Еглевской,
 Подпоручикъ Филиппъ Тенишевъ,
 Одиодворецъ Матвей Тверитиновъ,
 Господь Нарышкиныхъ приказчикъ Лука Невзоровъ,
 Малороссіянинъ Николай Ракитиновъ;
 Означенныхъ же господъ Нарышкиныхъ приказчикъ Иванъ
 Евреиновъ, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

(9) См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

(10) Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ
 отраженъ былъ отъ Секретной Коммисіи въ Яницкой городокъ, гдѣ
 и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и
 благоразуміемъ.

(11) Императрица 22 Октября 1774 года писала Вольтеру:
 Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte
 de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois
 qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et
 garotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le
 Volga et le Jaick, où il avoit été chassé par les troupes envoyées
 contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens
 pour se ravitailler, ses compagnons excedés d'ailleurs des cruautés
 qu'ils commettoient et esperant obtenir leur pardon, le livrèrent au
 commandant de la forteresse du Jaick qui l'envoya à Simbirsk au
 général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être
 conduit à Moscou. Ammené devant le comte Panine, il avoua naï-
 vement dans son interrogatoire qu'il étoit cosaque du Don, nom-
 ma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un
 cosaque du Don, qu'il avoit trois enfants, que dans ces troubles
 il avoit épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux

servoient dans la première armée, que lui même avoit servi, les deux premières campagnes, contre la porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que M^r. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit où il a passé n'a été épargné: il pilloït et saccoït ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avoit offensé que moi, son raisonnement pourroit être juste et je lui pardonnerois. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.

(12) Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. — (*Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 Декабря 1772 года.*)

(13) „Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называсомомъ *болотѣ*.

„Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она вѣрила насъ ему подѣ строгимъ наказаніемъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

„Это происшествіе такъ вѣзало въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ ово мнѣ тогда представлялось.

„Въ десятый день Января тысяча семь сотъ семдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полудни, прѣехали мы на болото; на серединѣ его воздвигнуть былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вокругъ всего построены были гнѣхотные помки. Начальники и офицеры имѣли званки и шары сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же входился и Оберъ-Полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади орун-та все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усыяны были людьми обоюго пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: *везуть, везуть!* Вскорѣ появилась отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; масупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно Секретарь Тайной Экспедиціи, за санями слѣдовали еще отрядъ конницы.

„Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ни чего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ смугль и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ нѣмль круглорытый; волосы, помнится, черныя, и небольшую бороду кланномъ.

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и Любимецъ его Перяилевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафодъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*; и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

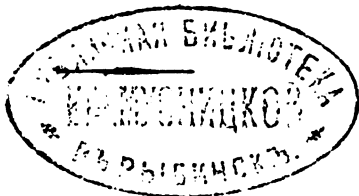
„При произнесеніи чтеніемъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: „Ты ли Донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: „такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.“ Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перяилевъ, не малаго роста, сутульнй, рябой и свирѣповиднй, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю (*). По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!“—При

(*) По словамъ другихъ свидѣтелей, Перяилевъ на эшафодѣ одурѣлъ отъ ужаса;—можно было принять его безчувствіе за равнодушіе.

семь словъ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣ-
вать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать ру-
кава шелкового малиноваго полукачтанья. Тогда онъ сплеснулъ
руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова
уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Пер-
фильевымъ послѣдовало то же. — (*Изъ неизданныхъ записокъ И.
И. Дмитріева.*)

(13) Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь
другаго Донскаго казака, свирѣпствовавшаго за сто лѣтъ передъ
Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужас-
ными успѣхами. См. *Rélation des particularités de la rebellion de
Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le
progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut
pris ce rebelle, sa sentence de mort et son execution, traduit
de l'Anglois, par C. Desmares. MDCLXXXII.* — Книга сія весь-
ма рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библиотекѣ А.
С. Норова, нынѣ принадлежащей Князю Н. И. Трубецкому.

(14) См. Приложенія I.

УКАЗАТЕЛЬ
КЪ ИСТОРИИ
ПУГАЧЕВСКАГО БУШТА.

УКАЗАТЕЛЬ.

	Стр.		Стр.
Авзяно-Петровскіе заводы	107.	Валленштернъ	29, 55, 65, 69.
Алатырь	144.	Варнстедъ	50, 55.
Арзамасъ	141, 144.	Веловская	27.
Аршеневскій	94, 95.	Веловскій	29, 28.
Астраханская губернія	153.	Веніаминъ	125, 128, 134.
Байнеръ	122.	Венцель	121.
Бардовскій	160.	Верхне-Озерная дистанція	24.
Башаринъ	63.	Верхне-Озерная крѣпость	61, 64.
Башкирія	95, 108.	Верхній Ломовъ	153.
Башкирцы	33, 72, 108, 109, 113, 125, 127, 149.	Верхо-Яицкая крѣпость	41, 110, 119.
Бедряга	90, 98.	Витюшновъ	20.
Бердская слобода	41, 44, 64, 66, 91—93.	Волга	152.
Бибиковъ, А. И. 56—58, 70, 71, 79, 80, 84, 93, 105, 106.		Волжонскій	48, 157.
Бибиковъ, Полк. 81, 83, 91, 94, 95.		Вольтеръ	74.
Бикбай	26.	Воронежская губернія	153.
Билонъ	24, 25, 27, 28, 32, 35.	Вороновъ	63.
Бирскъ	119.	Воткинскій заводъ	121.
Бородинъ, Андр., Атам.	8.	Всеволожскій	146.
Бородинъ, Мартем. 12, 25, 45, 98.		Гагринъ	80, 112, 115.
Ботнакъ	147—155.	Галаковъ	163.
Брантъ. 34, 48, 72, 119, 122, 136.		Гладковъ	70.
Бримесльдъ	8.	Голыцынъ	79, 83, 89 — 91, 93, 94, 119, 122, 140, 142, 146, 158.
Бугульма	105, 122, 140.	Горшковъ	104.
Бугульчанская пристань	37.	Гриневъ	79, 84, 90.
Будоринскій форпостъ	19.	Гугниха	3.
Бутыринъ	151.	Гугня, Атаманъ	3.
Бѣлобородовъ	47, 60, 109, 110, 112, 117, 120, 129.	Гурьевъ, городокъ	158.
Бѣлорѣцкіе заводы	109, 110.	Давыдовъ	8, 60.
		Дегтеревъ	98.

	Стран.		Стран.
Декадонгъ	60, 65, 80, 110, 111, 112, 115, 118.	Кама	129.
Демаринъ	61, 64.	Камешковъ	63.
Дербетевъ	154.	Камышенка	154.
Державинъ, Г. Р.	71, 80, 82, 106, 147—149.	Каницъ	134.
Дицъ	154.	Каргинъ	104.
Дмитріевскъ	154.	Кармицкій	46.
Дубовка	154, 155.	Карташевскій	117.
Дувъ	119, 129—131.	Карташовъ	51.
Дундуковъ	154, 158.	Каръ	34, 48—52, 55.
Дурновъ	10, 11.	Керенскъ	153, 156.
Евсигіевъ	153.	Кизибащинъ	98.
Екатеринбургъ	73, 119.	Кизильская крѣпость	119.
Елагинъ, Маіоръ	89.	Киргизъ-Кайсаки	73, 147.
Елагинъ, Полковникъ	25—27.	Кирпичниковъ	10.
Ерёмовъ	74.	Кобяковъ	150.
Жолобовъ	113, 115.	Кожевниковъ, Мих.	17, 19.
Заевъ	61—63.	Компатовъ	20.
Зарубинъ (онъ же и Чика), Иванъ	17—19, 47, 164, 167.	Коноваловъ	19, 20.
Захаровъ	7.	Коръ	24, 54, 64, 69.
Зеландская крѣпость	119.	Коспорье	162.
Зимовейская станица	75.	Кочуровъ	19.
Ижевскій заводъ	121.	Красноуемскъ	119.
Илецкая Защита	41, 88.	Красной Яръ	128.
Илецкой городокъ . 21, 28, 97, 98.		Кречетниковъ	24.
Ильинская крѣпость	60—63.	Крузе	28, 29.
Иноходцевъ	155.	Крыловъ	20, 66, 67, 85.
Инсара	153.	Кудрявцовъ	124.
Иргизъ	147.	Кузнецова, Устинья	85, 105.
Кобалеровъ	26.	Курмытъ	143, 144.
Казаки Донскіе	2, 3.	Ларяновъ	20.
Казаки Яицкіе . 6, 7, 43, 45, 75.		Ларионовъ	70, 79, 82, 122.
Казань	70, 119, 122, 123—135, 140.	Ловицъ	155.
Калмыки	9, 10, 72, 81, 149.	Логиновъ, Сотникъ	92.
		Логиновъ, Старшина	7.
		Лодыжинскій	147, 149.
		Лопатинъ	60.
		Лысовъ	47, 89.

	Стран.		Стран.
Мавринъ	160.	Нурали-Ханъ	22, 23.
Магнитная крѣпость	109, 110.	Обернбисовъ,	119, 122, 153.
Максимовичъ	161.	Обуховъ	29.
Мальковка, село	14, 80, 147.	Овзяно-Петровскій заводъ	49, 107.
Мансуровъ	79, 81, 83, 89, 95, 98, 104, 141, 147, 158.	Овчинниковъ	47, 98, 107.
Матюнинъ	70.	Озерная крѣпость	24, 97.
Меллинъ, Графъ	122, 136, 140, 144—146, 155, 158.	Оренбургъ	1, 29, 35, 37—42, 54, 65, 68, 69, 79, 83, 88, 93.
Мельковичъ	107.	Орская крѣпость	1, 60, 119.
Мензелинскъ	140.	Оса	119, 120, 122, 129.
Меркулевъ	7.	Падуровъ	47, 53, 54, 65, 88, 95, 164, 167.
Мертвецовъ	81.	Панинъ, Графъ Н. И.	142.
Минеевъ	121, 125, 126, 135.	Панинъ, Графъ П. И.	142, 156, 157, 162, 168.
Михальсонъ	83, 95—97, 108, 109, 113 — 118, 128, 129 — 136, 141, 144, 146, 152, 155 — 157.	Пенза	146.
Мостовщиковъ	12, 66.	Перволюцкая крѣпость	90.
Мосты, деревня	161.	Пермь	73.
Муфель	79, 80, 140, 146, 152, 155, 158.	Перфильевъ	47, 98, 107, 141, 164—167.
Мясниковъ	17, 18.	Петровскъ	148.
Мясоедовъ	60.	Петрозаводская крѣпость	111.
Наровчатъ	153.	Поваловшвейковскій	163.
Наумовъ	20, 24, 38 — 40, 69.	Подъячевъ	20.
Нацкингъ	34.	Поповъ	119.
Накрасовъ	16.	Портновъ	21.
Неплаковъ	7.	Потаповъ	8.
Нероновъ	12.	Потемкинъ	122, 126, 132, 136.
Нечаевъ	29.	Почитагинъ	95.
Нечай	5.	Пречистенская крѣпость	32.
Нижегородская губернія	153.	Протопоповъ	150.
Нижне-Озерная крѣпостца	25, 28.	Пугачева, Софья	135.
Нижній Ломовъ	153.	Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ	13— 75—168.
Ново-Сергѣевская крѣпость	89.	Пулапскій	138, 152.
		Пушкинъ	82.

	Стр.		Стр.
Пьяновъ, Денисъ . . .	13, 14, 46.	Судинъ	73.
Разсыпная крѣпость . . .	22, 28, 97.	Сура, рѣка.	143.
Раннезъ	90.	Суринъ	25.
Рейнсдорфъ. 21, 23, 28, 29, 38, 39, 53, 54, 64, 65, 68, 69, 92.		Сухая рѣка	132.
Родионовъ	134.	Табинскъ	97.
Романиусъ	57.	Тамбовцевъ	8, 11.
Ружевакій	53.	Татищевская крѣпость	24, 26, 90, 91.
Ружениковъ	20.	Твороговъ	159.
Рычковъ, Академикъ . . .	68, 163.	Тимашевъ	29, 65, 119.
Рычковъ, Полковникъ. . .	153.	Тихановскій	110.
Сакмарскій городокъ . . .	30.	Толкачевъ	66, 104.
Салаватъ	108, 109, 116, 117.	Толстовааловъ	85.
Салмановъ	151.	Толстовъ	20.
Самара, крѣпость	80.	Толстой	122, 123.
Саранскъ	145.	Торновъ	59, 164, 167.
Саратовъ	146—152.	Топкая крѣпость	89.
Сарепта	155.	Траубенбергъ.	9—11.
Сарочинская крѣпость. . .	89, 107.	Требикова деревня.	96.
Саткинскій заводъ	116.	Троицкая крѣпость	111, 113.
Сентовская слобода	94.	Тренцкъ	153.
Сибирь	80.	Узени, рѣчки	147, 158, 161.
Симбирскъ	153.	Ульяновъ	60, 97.
Симоновъ. 12, 17, 20, 65 — 67, 95, 100, 101, 104, 161.		Ураковъ	51.
Симскій заводъ	116.	Уральскіе заводы	87.
Скрышницынъ	120, 121.	Уральскіе казаки	168.
Смирновъ	121.	Ураль (Янкъ), рѣка	1—3.
Ставиславскій	60, 61, 65, 119.	Уральскъ	168.
Старица	99.	Усихина Розсашъ	19.
Старовъ-Милушковъ. . . .	29, 39.	Уѣа	59, 95, 97, 119, 122.
Стелька Разинъ	4.	Уеницевъ	152.
Стерлитамацкая пристань . .	37.	Фейерваръ	112.
Стрѣльцы	4.	Фигнеръ.	26.
Ступишинъ, Губернаторъ . .	140.	Фирска	153.
Ступишинъ, Полковникъ. 108, 110.		Фонъ-Брантъ	34.
Суворовъ, А. В. 157, 161, 162, 162.		Фрейманъ	11, 35, 42, 50, 55, 81, 91, 95, 108, 118.

	Стр.		Стр.
Харинъ	96, 97, 118, 130, 131, 133, 138, 144.	Чика (онъ же Иванъ Зару- бинъ)	17—19, 47, 59, 60, 95—97, 164, 167.
Харлова	27, 46.	Чичеринъ	34, 60.
Харловъ	25, 26, 28.	Чуваши	143.
Харчевъ	160	Чукалинъ	20.
Хвалынское (Каспійское) море .	2.	Чулошниковъ	98.
Хива	5.	Чумаковъ	47.
Хлопуша	36, 37, 47—49, 51, 60, 61, 63, 88, 92.	Шамай	5.
Хорватъ	94, 95.	Шахматевъ	145.
Царицынъ	130, 133, 152, 154, 155, 157.	Шевичъ	107.
Цывилъскъ	140.	Шелудяковъ	15.
Цыплетевъ	154.	Шигаевъ	47, 88, 89, 92, 95, 164, 167.
Чебышевъ	8.	Шинкинъ	50.
Челяба	118.	Щербатовъ	105, 119, 120, 122, 140, 142, 146.
Челябинскъ	110.	Юлай	108.
Чемесовъ	70.	Юрловъ	143.
Чербакульская крѣпость	114, 115.	Ядринскъ	143, 144.
Череповъ	8.	Янкъ (Ураль), рѣка	1—3.
Черкасскъ	75.	Янцкіе казаки	6, 7, 43, 45, 75, 168.
Чернорѣченская крѣпостца	28, 29.	Янцкое войско	7.
Черный Яръ, Черноярскъ	155, 158.	Янцкой городокъ	8, 13, 19, 65, 84, 98 — 104, 140, 159, 168.
Чернышевъ, Грачъ	9, 49, 153.	Якубовичъ	119.
Чернышевъ, Полковникъ	49, 52 — 54.		
Чертороговъ	20.		
Чесноковка, село	60, 96.		

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Стрѣк.	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читати.</i>
30	7	Корчалє	Баргалє
31	6	Атамановому	Атаманову
63	21	не сказалъ	не сказавъ
69	19	отрѣзанъ	отрѣзаннымъ
